ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ХРАМА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

№ 2010. № 1 (69)

Правда Православія

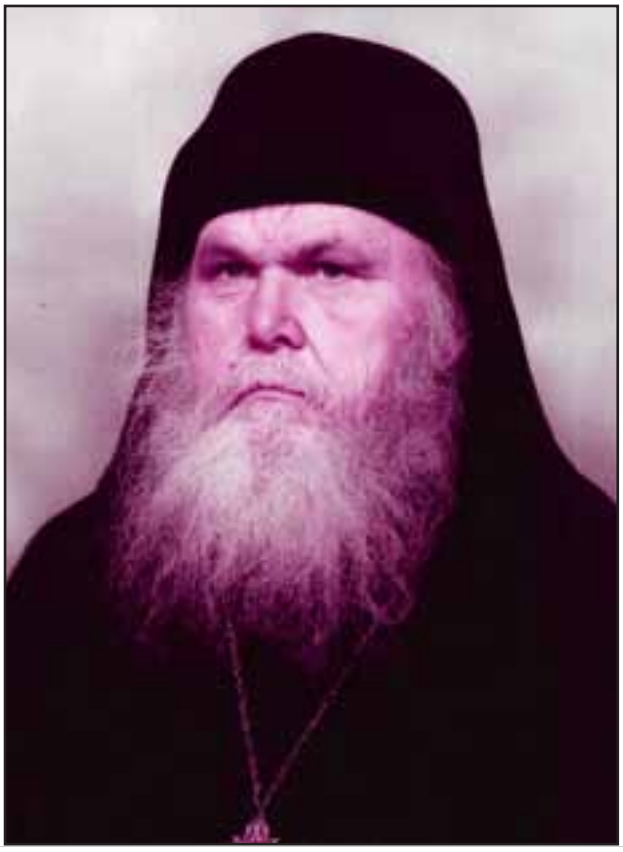
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. Летопись единоверческой жизни 1
2. Главы из книги «Путь на Голгофу». Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. (*Окончание*) *Н.П. Зимина* 22
3. Древнерусское благочестие. 100-летию повторного прославления преподобной Анны Кашинской посвящается 34

Летопись единоверческой жизни

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА ЕПИСКОПА ДАНИИЛА ИРИЙСКОГО

13/26 апреля 2010 года почил о Господе Преосвященнейший Даниил, епископ Ирийский, викарий Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей по окормлению единоверцев. Лет жития его было 79. 15/28 апреля в день праздника Преполовения Пятидесятницы, в храме Рожества Христова города Ири, штат Пенсильвания, единоверческая паства простилась со своим Владыкой. На отпевание архипастыря прибыли два викарных архиерея Восточно-Американской



епархии – епископы Георгий Мейфильдский и Иероним Манхеттенский. Божественную литургию, совершавшуюся по древнерусскому чину, возглавил епископ Иероним в сослужении духовенства Христо-Рождественского храма: его настоятеля протоиерея Пимена Саймона, протоиерея Феодора Юревича, священноиерея Иерофея Попова, диаконов Стефана Климчука и Маркела Васильева (Wassel), а также настоятеля Никольского храма в Эдинборо, штат Пенсильвания, священноиерея Серафима Уинга.

Во время малого входа священники внесли гроб в алтарь через Царские врата и установили его с правой стороны, а во время чтения Апостола и Евангелия перенесли его на горнее место. В конце Божественной литургии гроб был изнесен на прежнее место – на середину храма. Чин погребения возглавил епископ Георгий в сослужении епископа Иеронима и вышеупомянутых священнослужителей при антифонном пении мужского и женского хоров. После трогательного прощания с Владыкой Даниилом он был погребен на местном Иоанно-Богословском кладбище, где похоронены и многие члены его паствы.

Владыка Даниил благословляет Алексея Евгеньевича Колесникова. 21 июня 2008 года.

***

В 1993 году епископ Даниил посетил единоверческий храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода, и это посещение осталось яркой страницей в истории нашей церкви. Сам Владыка с необыкновенной теплотой вспоминал об этом событии и по прошествии 15 лет. Когда священнослужители и причетники Михаило-Архангельского храма посетили Ирийский приход, он сказал: «Я помню как хорошо меня принимали в Михайловской Слободе». Немногие из сегодняшних прихожан Михаило-Архангельского единоверческого храма были свидетелями той встречи, немногие знают о Владыке Даниле как о церковном деятеле и человеке, посему предлагаем нашим читателям больше узнать о единоверческом архипастыре, окормлявшем связанный с нашей общиной братскими узами любви Христо-Рождественский приход города Ири.

***

Епископ Даниил Ирийский (Димитрий Борисович Александров) родился 15 сентября 1930 года в Одессе. Наиболее известным из его рода был прадедушка по линии матери – контр-адмирал, князь Дмитрий Петрович Максутов. В начале своей службы в 1854 году стал героем обороны Петропавловска от нападения англо-французской эскадры, был награжден орденом святого Георгия IV степени со

следующей формулировкой: «Командуя батареею № 2, из 11 орудий при 127 нижних чинах, подавал пример неустрашимости, в течение 8 часов, в бою 20 Августа 1854 года, при отражении нападения на Петропавловский порт Англо-Французской эскадры, состоявшей из 3 фрегатов с 156 пушками и парохода, вооруженного бомбическими орудиями, причем меткими выстрелами нанес неприятельским судам значительные повреждения». В 1859 году князь Дмитрий поступает на службу в Российско-американскую компанию и отправляется на Аляску. Там он сначала был помощником Главного правителя Русской Америки, а затем – последним Главным правителем Русской Америки. С горечью приняв весть о продаже Аляски в 1867 году, Дмитрий Петрович сдает все дела в колонии и возвращается в Россию в 1869. С 1869 по 1882 год служил на коммерческих судах. В 1882 году был произведен в контр-адмиралы. Умер в 1869 году и похоронен на Новодевичьем кладбище. Его именем названы улицы в Петропавловске-Камчатском и в американском городе Ситка (бывшая столица Русской Америки – Ново-Архангельск). И по материнской и по отцовской линии почти все предки будущего Владыки были морскими офицерами. Морским офицером был и его отец, Борис Александров, который в после окончания Гражданской войны работал техником в обсерватории по исследованию магнетизма. В 1938 году их семья была вынуждена переехать на Урал, в город Златоуст, так как представители советской власти узнали, что когда-то отец Владыки был белогвардейцем, за что он был уволен с работы. В Златоусте Борис Александров был принят разнорабочим на металлургический комбинат. Но на третий день после переезда, 4 апреля 1938 года, был арестован, и судьба его оставалась неизвестной до открытия советских архивов, когда выяснилось, что Борис Александров был казнен вскоре после ареста.

Епископ Даниил вручает набедренник епископу Иоанну Южно-Американскому при его епископской хиротонии

Юный Димитрий вместе с мамой вернулся в Одессу, где мама, известная скрипачка, занималась исполнительской и преподавательской деятельностью.

В 1944 году, во время оккупации Одессы румынскими войсками, Димитрий становится псаломщиком в церкви. В том же году эмигрирует с матерью в Румынию, затем они пешком переходят в Австрию. После войны жил в швейцарском лагере для перемещенных лиц в городе Фельдкирхен, затем в столице страны Женеве. Оттуда в 1949 году они переезжают в США, где проживал отец матери будущего епископа князь Дмитрий Дмитриевич Максутов, также бывший морской офицер Черноморской эскадры, капитан I ранга, пресс-атташе Русской миссии в Турции. После революции он уехал во Францию, затем в США, где работал смотрителем станции на Гудзоне. Умер князь Дмитрий Дмитриевич Максутов вскоре после переезда дочери и внука и был похоронен в ограде Джорданвильского Свято-Троицкого монастыря.

Димитрий окончил среднюю школу в городе Вайнлэнд, штат Нью-Джерси. В 1950 году был пострижен во чтеца, а с 1952 по 1958 год обучался в Джорданвильской Свято-Троицкой духовной семинарии. После ее окончания он получил диплом бакалавра богословия. Его выпуск был первым в истории семинарии, одним из одноклассников Димитрия был будущий митрополит Лавр (Шкурла). В эти годы Димитрий Александров познакомился со знаменитым старообрядческим иконописцем Пименом Софроновым. Софронов обучил Димитрия мастерству иконного письма, и они вместе расписали многие храмы в США. Среди прочих отец Димитрий участвовал в росписи следующих храмов: Свято-Владимирская церковь в городе Джексон, штат Нью-Джерси, Свято-Троицкий собор в Астории, штат Нью-Йорк, Собор Святого Иоанна Крестителя в Вашингтоне. Самостоятельно он написал иконостас Покровского собора в Чикаго, штат Иллинойс, а еще в ранней молодости – иконы для иконостаса летней резиденции

Епископ Даниил и протоиерей Феодор Юрьевич

митрополита Анастасия (Грибановского) в Махопаке, штат Нью-Йорк.

Знакомство с Пименом Софроновым способствовало росту интереса Димитрия к старообрядчеству, и он посвятил свою жизнь тому, чтобы в какой-то мере исцелить рану раскола XVII столетия. Уже в зрелом возрасте Владыка Даниил отмечал, что в его семье не было старообрядческих корней, но, живя среди старообрядцев, он проникся к ним большим уважением. Он считал их консерваторами и желал привлечь в лоно Русской Православной Церкви Заграницей, видел, что многие из старообрядцев не имели священства, и хотел помочь им обрести полноту церковных таинств.

Когда Димитрий был еще чтецом, его исследования в области древних чинов весьма пригодились при поставлении первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Филарета (Вознесенского) в 1964 году. Впервые в своей истории РПЦЗ выбрала первоиерарха, который еще не был митрополитом, а поскольку остальные архиереи также были епископами, то многие были неуверены в том, как производится настолование митрополита в этом случае. Однако благодаря исследованиям чтеца Димитрия Александрова Архиерейский Синод смог воспроизвести чин поставления митрополита согласно тому, как это делалось на Руси в XV веке еще до учреждения патриаршества.

В августе 1965 года чтец Димитрий был рукоположен во диакона архиепископом Никоном (Рклицким), и в том же году митрополит Филарет рукоположил его во священника. Отец Димитрий вел активную работу среди старообрядцев США и Австралии, в 1970-е годы австралийские старообрядцы даже предлагали ему быть посвященным в их епископа, но отец Димитрий отказался, указав, что его епископская хиротония возможна только от иерархов Русской Православной Церкви Заграницей.

В 1974 году отец Димитрий составил проект указа по отмене клятв, наложенных на старые обряды и их держателей в XVII веке. Этот указ был принят Архиерейским Синодом в том же году и послужил одной из главных причин воссоединения старообрядцев церкви Рожества Христова города Ири с РПЦЗ, произошедшего в 1983 году.

В 1979 году отец Димитрий был возведен в сан протоиерея.

В июле 1988 года митрополит Виталий (Устинов) назвал отца Димитрия в качестве кандидата во епископы Русской Православной Церкви Заграницей. Отец Димитрий был очень обеспокоен этой новостью и, по его словам, не спал от волнения всю ночь. На следующее утро он позвонил митрополиту Виталию и попросил его о том, что если будет принято решение о его епископском рукоположении, то только для окормления старообрядческой паствы. С такой же просьбой к первоиерарху обратился отец Пимен Саймон, настоятель Ирийской Христо-Рождественской старообрядческой (единоверческой) церкви. Отец Пимен напомнил ему о давнишнем желании митрополита Антония (Храповицкого) даровать епископа держателям древнерусских обрядов. Митрополит Виталий принял эти предложения, их одобрило также Архиерейское Совещание РПЦЗ, собравшееся для празднования Тысячелетия Крещения Руси. Протоиерей Димитрий Александров был пострижен в иночество с именем Даниил. Его епископская хиротония состоялась 1/14 августа 1988 года в Синодальном Кафедральном Соборе Знамения Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке. Хиротонию по дореформенному чину совершил митрополит Виталий в сослужении архиепископа Антония (Медведева) Сан-Франциского, епископа Алипия (Гамановича) Чикагского и Детройтского и епископа Илариона (Капрала) Манхэттенского. Владыке Даниилу был дан титул «епископ Ирийский старообрядческий, викарий Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей», его кафедральным собором стал храм Рожества Христова города Ири, штат Пенсильвания. Свою архипастырскую миссию Владыка Даниил всегда видел во вспомоществовании старообрядцам и сохранении их богослужебных особенностей и бытовых традиций.

В 1992–1993 годах епископ Даниил временно управлял Австралийской и Ново-Зеландской епархией во время болезни архиепископа Павла (Павлова), затем вернулся в США.

В конце 1990-х годов у Владыки Даниила был инсульт, после чего его деятельность уже не была такой активной, как прежде. Однако, несмотря на болезни, он продолжал трудиться для своей паствы. Он участвовал в переводе древнерусских богослужебных книг на английский язык. Владыка лично набирал на компьютере тексты молитвенников и служебников, которыми ныне пользуются тысячи верующих.

Епископ Даниил *(слева сидит)* во время наречения во епископа Иоанна Южно-Американского

Господь дал ему многие таланты, и Владыка Даниил как добрый раб в евангельской притче многократно приумножил их. Кроме занятий иконописью, которые Владыка продолжал и в священническом и в епископском сане, он был известным архитектором. По его проекту, например, построен в Московско-Ярославском стиле XVII века Кафедральный Иоанно-Предотеченский собор в столице США Вашингтоне. Владыка прекрасно знал знаменную нотацию и очень красиво пел. Он не ограничился только древнерусским пением, а изучил также ассирийский роспев под руководством епископа Урмийского Иоанна (Геваргизова) (несторианина, обращенного в Православие и рукоположенного во епископа в 1930 году Русской Православной Церковью Заграницей для православных ассирийцев – большой группы несториан, обращенных в Православие в северной Персии в 1898 году).

Владыка был глубоким знатоком богослужебного устава и переводчиком многих европейских и древних языков. Вся его жизнь принадлежала Церкви Христовой.

***

Ниже мы предлагаем «Три мысли на третий день после кончины епископа Даниила», пришедшие человеку, некогда трудившемуся рядом с Владыкой – игумену Герману Чубе, настоятелю церкви Первомученика Стефана в Олд Фордже, штат Пенсильвания.

1. Владыка Даниил всегда оставался самим собой, без всякого притворства, без всякого тщеславия, без всякого страха, без оглядки на политическую корректность. Он был гением, знавшим много языков и имевшим много талантов. Будучи целиком и полностью верным и преданным Православию и совершая служение священника, а затем епископа Православной Церкви, он имел и собственные интересы, среди которых можно назвать плавание на парусниках и труды переводчика, причем часто результаты его работы никому не были нужны. Его жизнь показывает, что священнослужитель не должен быть приспособленцем, человекоугодником, искателем выгоды.

2. Владыка Даниил был особенно предан старому обряду, что для большинства православных людей всегда казалось непонятным, потерянным делом. Он путешествовал и общался с разрозненными группами старообрядцев, стараясь, чтобы они вошли в спасительную ограду Православной Церкви. Долгие годы его трудов на этой ниве, наконец, принесли плоды в 1983 году, когда, следуя его примеру, один из крупнейших старообрядческих приходов Русского Зарубежья воссоединился с Русской Православной Церковью Заграницей. Старообрядческая община Рожества Христова города Ири, штат Пенсильвания, была основана в начале XX столетия и пребывала отделенной от полноты православных верующих до той поры, когда ее наставник, отец Пимен Саймон, ввел свою паству в ограду Церкви. Владыка Даниил был источником вдохновения и гарантом того, что старообрядцы смогут всегда придерживаться священных обычаев Древней Руси в том виде, в каком они сохранили их в течение столетий. Когда отец Димитрий Александров стал епископом Даниилом Ирийским, он переехал в Ири и стал архипастырем Христо-Рождественского прихода. В этом было историческое значение служения Владыки Даниила, хотя в его управлении был только один (достаточно крупный) приход. Хотя Русская Православная Церковь и позволяла использовать старый обряд, по меньшей мере с 1800 года после учреждения Единоверия, но старообрядцев (единоверцев. – *Прим. пер.*) никогда не воспринимали на равных и не доверяли им. Насколько я знаю, до епископской хиротонии Владыки Даниила в Русской Православной Церкви был только один старообрядческий епископ — священномученик Симон (Шлеев) Охтенский (отец Герман не знал, что после Поместного Собора 1917–1918 годов были рукоположены и другие единоверческие архиереи, последний из которых – епископ Вассиан (Веретенников) – погиб в 1937 году. — *Прим. пер.*). Хотя были и есть иерархи, сочувствовавшие старообрядцам (единоверцам), такие как блаженной памяти митрополит Антоний (Храповицкий) и священномученик Андрей (князь Ухтомский) Уфимский, а в наши дни – митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Владыка Даниил был уникален тем, что он являлся епископом старого обряда и для старообрядцев. Его служение было печатью единства старого и нового обрядов в лоне Русской Православной Церкви.

3. Владыка Даниил оказал великую услугу Русской Православной Церкви Заграницей тем, чего он не сделал. Всегда независимый в своих суждениях, он никогда не был сторонником идеологии, провозглашавшей безблагодатность Московского Патриархата, и считал, что Церковь Заграницей должна быть в евхаристическом общении с Церковью в России. Так он думал даже в самые темные дни подозрительности и обособленности, когда страх коммунизма и ужасы советских гонений были преобладающими настроениями в церковной жизни. Когда же положение изменилось и даже те церковные деятели, которые когда-то открыто ругали Москву, стали сторонниками Патриархата, Владыка Даниил по-прежнему остался независимым. Он опасался, что наша малая церковь может быть поглощена намного большим Патриархатом. Он желал, чтобы наша Церковь сохранила ту духовную независимость, которая была присуща его собственной жизни. Несмотря на это, когда к нему обратились за поддержкой представители тех, кто противился любому примирению с Моск-

вой, Владыка Даниил непреклонно отказался стать их вождем, вдохновителем или распространителем раскола. К тому времени Владыка был ослаблен физически и послы епископа Агафангела очень настойчиво пытались убедить его присоединиться к их группе. Благодаря тому, что Владыка Даниил не согласился вместе с епископом Агафангелом составить синод и поставить новых епископов, последний оказался в несостоятельном положении, провозгласив себя единственным оставшимся иерархом Русской Православной Церкви Заграницей, и ему пришлось через какое-то время искать помощи греческих старостильников, чтобы создать свою иерархию. Так, Владыка Даниил, оставаясь, как всегда тем, кем он был, лишил последователей епископа Агафангела поддержки и престижа, которые бы они получили в случае его присоединения к расколу.

Вечная память Преосвященнейшему Владыке Даниилу!

Игумен Герман (Чуба), сподобившийся знать Владыку лишь немного.

Источники: Simon, Father Pimen. «Bishop Consecrated for the Old Rite» Living Orthodoxy Vol. IX, No. 6 Nov. – Dec. 1987 Liberty, TN; «A New Old-Ritual Parish for the Russian Orthodox Church Abroad» Orthodox Life Vol. 33, No. 5 Sept. – Oct. 1983 Jordanville, N.Y.; Michael Protopopov, protopriest. A Russian Presence: A History of the Russian Church in Australia. Gorgias Press, NJ, USA; Hegumen German Ciuba. Three thoughts on the third day of repose of bishop Daniel of Erie; материалы сайтов храма Рожества Христова города Ири и Восточно-Американской епархии РПЦЗ.

Архиереи РПЦЗ (*слева направо*): епископ Петр Кливлендский, епископ Иоанн Южно-Американский, первоиерарх РПЦЗ – митрополит Иларион, епископ Даниил Ирийский

Редакция «Правды Православия» выражает искреннюю признательность епископу Иоанну Южно-Американскому за помощь в подготовке данного материала.

ДЕТСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК В ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

26 декабря/ 8 января 2010 года в Михаило-Архангельской единоверческой общине в десятый раз состоялся Детский Рождественский праздник. После Божественной литургии, в день Собора Пресвятой Богородицы, участники праздника и гости собрались в трапезной дома причта, заранее украшенной рождественской елкой, рисунками, керамическими и швейными изделиями, изготовленными руками воспитанников воскресной школы.

Зрители во время праздничного концерта

Праздник был подготовлен и проведен старшеклассниками Воскресной школы Илией Крапивкиным, Александрой Краевой и Иулией Шишкиной. Десять лет назад, когда школа только начинала свою работу, они были среди самых маленьких ее учеников. Теперь же они – главные помощники преподавателей, умеющие самостоятельно создать праздник для своих младших друзей.

В программе праздника прозвучали Рождественские богослужебные песнопения, стихотворения на эту священную тему, русские народные песни, музыкальные номера. Более 20 детей в возрасте от 3 до 15 лет приняли участие в выступлениях. Ведущие праздничного концерта от имени всех учащихся воскресной школы поблагодарили священнослужителей и преподавателей за обучение предметам, необходимым для духовного возрастания, а также редким в наши дни умениям творить своими руками гончарные и швейные изделия.

После окончания детского праздника всем его юным участникам и гостям были вручены рождественские подарки и устроено чаепитие.

ФЕСТИВАЛЬ ЗНАМЕННОГО ПЕНИЯ И БОГОСЛУЖЕБНОГО ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

22 января 2010 года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира в зале лектория Народного Православного Университета прошел третий концерт Фестиваля знаменного пения и богослужебного чтения. Эти концерты не связаны с определенным местом и не приурочены к каким-либо юбилейным датам, событиям или праздникам, хотя в некоторых случаях отдельные выступления могут быть им посвящены.

Клирос единоверческого прихода села Павлово-на-Неве

Фестиваль существует во времени, его художественное руководство осуществляют Сергей Зиновьевич Чиж – Председатель приходского совета Православного единоверческого прихода Тихвинской иконы Божией Матери села Павлово-на-Неве, кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской духовной семинарии и Санкт-Петербургского музыкального лицея Комитета по культуре; – священноиерей Константин Костромин – клирик Свято-Исидоровской церкви Санкт-Петербурга и старший преподаватель Санкт-Петербургского университета культуры и исскуства, а также главный регент Казанской церкви поселка Вырицы Алексей Алексеевич Гвоздецкий. Неоценимую поддержку в организационной работе фестиваля оказывает сотрудник Миссионерского отдела Санкт-Петербургской епархии Сергей Александрович Лукин.

Всех участников фестиваля объединяют любовь к знаменному пению, духовным стихам и богослужебному чтению. Песнопения на концертах фестиваля исполняются по крюкам, либо в устной традиции.

На первых двух концертах свое мастерство показали 16 кол-

лективов и отдельных исполнителей (чтецов и певцов). Наряду с великолепными образцами звучащей старины были и неудачные выступления, но весьма отрадно было наблюдать значительное повышение качества исполнительского мастерства на последнем концерте. Исполнители представляли единоверческие приходы Санкт-Петербурской и Московской епархий, города Москвы, а также хоры двух общеправославных приходов города Санкт-Петербурга, придерживающиеся древлеправославной певческой традиции. Из светских коллективов участвовал один, по-своему уникальный коллектив исследователей, мелодистов-археологов знаменного роспева — ансамбль «Ключ разумения» Санкт-Петербургской консерватории. Выступления этого коллектива всегда отличает самобытность и высокий уровень исполнительского мастерства.

Радует и вселяет надежду на будущее развитие знаменного роспева участие детских клиросов храмов Архангела Михаила села Михайловской Слободы и Казанской иконы Пресвятой Богородицы села Вырицы.

Во время концерта слушатели, а среди них было немало тех, кто впервые услышал богослужебные песнопения в древнерусской певческой традиции, могли познакомиться с наречным и наонным пением, певческой культурой казаков-некрасовцев, чтением на погласицу Евангелия, Апостола, паремий и канонов.

Учащиеся воскресной школы храма Архангела Михаила

Хотелось бы пожелать организаторам и участникам фестиваля успехов в созидательном и нелегком труде, а церковным исполнителям — повышать качество своего мастерства, светским — духовно осмысливать и постигать тайны исполняемых песнопений, а детям — усерднее трудиться над развитием своих музыкальных данных.

«Пойте нашему Богу, пойте, пойте Цареви нашему, пойте!»

Художественный руководитель фестиваля С.З. Чиж

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЛОНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» XVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЙ

15/28 января 2010 года в рамках программы XVIII Международных Рождественских образовательных чтений в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя прошло заседание секции «Старый обряд в жизни Русской Православной Церкви: прошлое и настоящее».

Руководил работой секции ее постоянный председатель архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий. Подготовительные и организационные мероприятия провел куратор секции священник Иоанн Миролюбов, секретарь Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством при Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата.

Председатель секции архиепископ Георгий Нижегородский и Арзамасский

Заседания данной секции стали традиционными, в нынешнем году состоялась пятая встреча ее участников. С каждым годом работа секции вызывает все больший интерес, на этот раз ее посетили около 120 человек, среди них духовенство и прихожане единоверческих и общеправославных храмов, а также представители старообрядческих согласий.

За приветственным словом председателя секции архиепископа Георгия последовало семь докладов участников.

Кандидат богословия, протоиерей Георгий Крылов, настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в Строгино города Москвы представил доклад, посвященный книжной справе Типикона в XVII веке. В прошлом году на заседании секции отец Георгий описал процесс книжной справы в отношении богослужебных миней, и спустя несколько месяцев была опубликована его монография на данную тему. Ныне автор доклада проанализировал этапы изменения церковного устава в результате исправления книг. По его словам, в результате книжной справы, произведенной при Патриархе Никоне, произошло смешение редакций. «Укорененная в архаике логичность Ока Церковного была разрушена, поскольку источниками справы были совершенно иные позднейшие редакции Типикона». Отец Георгий рассказал о трех редакциях Типиконов, изданных в XVII веке до начала реформ. Первый из них был напечатан в 1610 году известнейшим уставщиком Троице-Сергиевой лавры Логгином (Коровой) и представлял собой капитальный труд на 1266 листах, обобщивший в себе не только древневосточные, но и русские богослужебные обычаи. Эта редакция Церковного Ока была практически уничтожена по приказу Патриарха Филарета, имевшего личные неприязненые отношения к Логгину. Типикон 1633 года, изданный по указанию самого Патриарха Филарета, был

лишь откорректированным вариантом рукописи XVI века, а его объем в два раза меньшим. Опыт Ока Церковного 1610 года был вновь использован в третьем за XVII век издании Типикона, подготовленном при Патриархах Иоасафе и Иосифе и напечатанном в 1641 году, а позднее взятом за основу для будущего издания единоверцев. Это издание, по мнению автора доклада, стало «литургическим шедевром». Была проведена огромная редакторская работа, упорядочены уставные указания, убраны противоречия и несоответствия Логгиновского устава. В результате Типикон 1641 года стал удобнейшим практическим пособием для исполнения богослужения. Следующий Типикон был издан в 1682 году при Патриархе Иоакиме. Справа этого Типикона велась по греческим подлинникам, правда, современным, а не древним. По словам автора доклада, в результате справы появилось немало вызывающих недоумение мест, касающихся, например, устава чтения канонов в Великом посту, устава катавасий, пения «Достойно есть» в конце канонов и прочих частей, в основном касающихся праздничных последований. Отец Георгий рассказал и о последнем изданном в XVII столетии Типиконе 1695 года, который стал основой для последующих изданий XVIII и XIX веков. В заключение докладчик констатировал, что методы справы, которые декларировались первоначально, а именно сверка с древними греческими харатейными книгами, не были соблюдены. Реформа была довольно сумбурной, не имела четких принципов, кроме одного,— «что-нибудь поменять». В результате новый Типикон получился книгой не систематической и фактически не исполнимым на практике. Книга представляла собой пособие для узкого круга профессионалов-уставщиков, в отличие от Ока Церковного 1641 года, которое было одновременно и учебным пособием, способным воспитать уставщика из новоначального клирошанина.

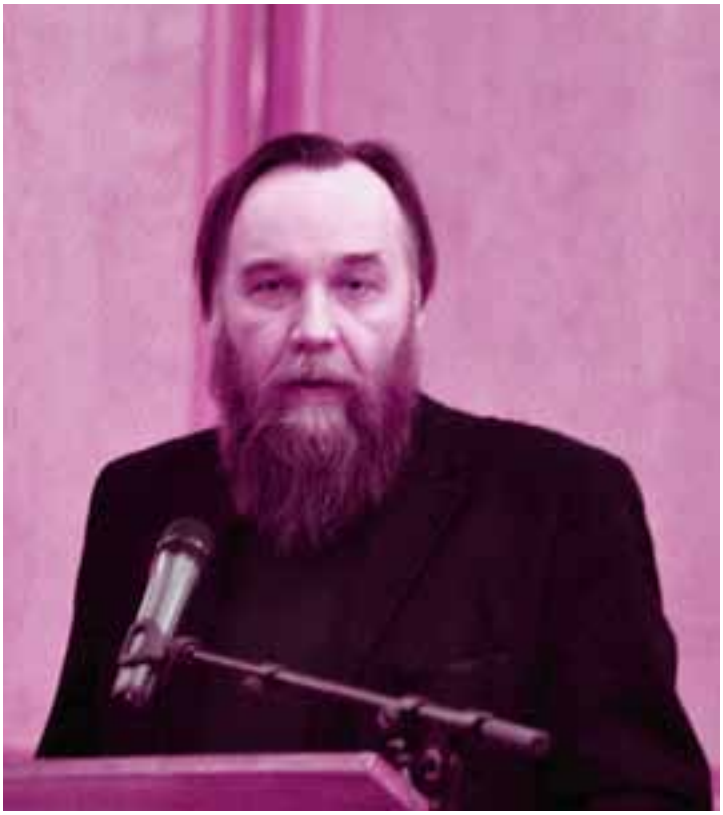
Протоиерей Георгий Крылов

Доклад священноиерея Иоанна Миролюбова был посвящен архиепископу Никифору Феотоки — первому русскому иерарху, благословившему совершать богослужения по древлепечатным книгам и находиться при этом в единстве с Русской и Вселенской церковью. Отец Иоанн сообщил о наиболее значимых событиях из биографии владыки Никифора и подробно рассказал о том, как происходило присоединение старообрядческой общины в Елисаветградском уезде на территории его епархии. По словам докладчика, в объяснительной записке Святейшему Синоду, описывающей произошедшее присоединение, архиепископ Никифор фактически обосновал возможность будущего учреждения Единоверия.

Священник Евгений Саранча, клирик единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода, представил доклад на тему «Два портрета: единоверцы Илья Иванович и Василий Ильич Сафоновы». Эта тема подробно освещалась на страницах нашего издания в 2007—2008 годах.

Диакон Максим Плякин, священнослужитель Христо-Рождественского храма города Саратова, секретарь Саратовской епархиальной комиссии по канонизации подвижников благоче-

стия, рассказал о старообрядном богослужебном творчестве и его рецепции на практике. Он выделил три группы текстов, появившихся после реформ Патриарха Никона и связанных со старым обрядом: архивные тексты, написанные на заре существования старообрядчества, тексты в честь новопрославленных старообрядчествих подвижников благочестия, составленные в последние 2–3 десятилетия и тексты, имеющие отношение к единоверческим приходам. Отец диакон Максим выразил сожаление, что не ведется работа по составлению новых текстов и по введению в обиход ранее составленных и опубликованных служб. Это характерно как для старообрядческих согласий, так и для единоверческих приходов в лоне Русской Православной Церкви. Составление текстов и их употребление по-прежнему остается уделом отдельных энтузиастов и приходов.



Александр Гельевич Дугин

Следующим докладчиком был клирошанин Единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода Александр Гельевич Дугин, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, который рассказал о своем видении концепции свято-русского Православия в единоверческой традиции. Александр Гельевич разделил историю Церкви Христовой на три этапа. Первый – катакомбный был временем мученичества за веру. Кровь страдальцев за Христа стала тем семенем, из которого возросла Церковь. Второй – имперский этап отождествлялся главным образом с Восточной Римской империей и окончился падением Константинополя в 1453 году. Однако империя, осознаваемая как эсхатологический «удерживающий», продолжила свое существование в Московском царстве, которое, по мнению наших предков, стало преемником Второго Рима – Константинополя. Третий этап истории – апостасийный – это время существования христианских общин в мире, отвергшем Христа или подменившем идеалы Церкви Христовой. По словам докладчика, реформы и раскол XVII века на Руси были восприняты старообрядцами именно как апостасийное явление. Но не только старообрядцы, а и святые угодники Русской Православной Церкви – преподобный Серафим Саровский, праведный Иоанн Кронштадтский, святитель Игнатий (Брянчанинов) полагали, что живут во времена всеобщего отступления от Бога. В этом смысле значение Единоверия, могущего мирно объединить две ветви русского Православия, приобретает новое значение, значение экклесиологически важное для всей Церкви. И осмысление этого значения, по словам автора доклада, еще предстоит осознать.

Игумен Кирилл (Сахаров), настоятель храма святителя Николы на Берсеневке города Москвы, кандидат богословия, рассказал в своем докладе о поездке в Черногорию летом 2009 года. Целью поездки было совершение богослужения по старому чину у величайшей христианской святыни – десницы святого Иоанна Предотечи. Кроме того, отец Кирилл изу-

чал местные церковные обычаи и обнаружил некоторые элементы, сходные с дореформенным русским богослужением. Между тем большей частью как в богослужении, так и в церковном искусстве наблюдается значительное смешение стилей и этому мало кто уделяет серьезное внимание.

Историк и публицист Александр Викторович Знатнов привел многие статистические выкладки, касающиеся изъятия церковных ценностей из московских старообрядческих храмов в 1922 году. Автор доклада поставил целью «развенчать один из мифов о старообрядчестве – утверждение о том, что изъятие церковных ценностей 20-х годов XX века не коснулось староверов якобы из-за особой симпатии к ним В.Д. Бонч-Бруевича». Согласно приведенным им данным, объемы конфискованных в то время ценностей были огромны и коснулись драгоценных риз для икон и священных сосудов, древних книг и реликвий, а также церковных капиталов, недвижимости и прочего.

Этим докладом секция «Старый обряд в лоне Русской Православной Церкви» завершила свою работу, а на следующий день, 16/29 января 2010 года, в Патриаршем центре древнерусской богослужебной традиции состоялось заседание круглого стола на тему «Старообрядные приходы в Русской Православной Церкви». В его работе приняли участие священнослужители и миряне, представлявшие единоверческие приходы и общины, проявляющие интерес к древнерусскому чину. Работу круглого стола возглавил священник Иоанн Миролюбов. В заседании участвовали заместитель председателя ОВЦС протоиерей Николай Балашов и сотрудник ОВЦС Д. Петровский.

Заседание круглого стола на тему «Старообрядные приходы Русской Православной Церкви»

Участники заседания обсудили текущее положение дел в старообрядных приходах, новый типовой устав приходов Русской Православной Церкви, а также мероприятия по празднованию 210-летия учреждения Единоверия. Во время работы были рассмотрены вопросы книгоиздательской деятельности и организации регулярных встреч представителей единоверческих приходов в Патриаршем центре древ-

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО В ХРАМЕ АРХЕНГЕЛА МИХАИЛА

Пасха Христова — праздник праздников и торжество торжеств в 2010 году имел немало особенностей. Во-первых, 21 марта/4 апреля — это самая ранняя из возможных дат совершения Пасхи. Из-за этого Великая Четыредесятница и Пятидесятница имели много таких уставных отличий, которых не встретишь ни в каком другом году. Чего стоит только праздник Сретения Господня в первый день Великого поста или Благовещение Пресвятой Богородицы в среду на Светлой седмице.

Другая особенность, касающаяся непосредственно нашей общины, — проведение Пасхального богослужения в древнем летнем храме с алтарем во имя Архангела Михаила. Последний раз служба совершалась там на Пасху 2006 года, а после этого начались реставрационные работы, из-за которых богослужения в этой части храма были временно прекращены. И вот после четырехлетнего перерыва торжество Воскресения Христова мы вновь праздновали в летнем храме. И пусть еще не завершены в нем отделочные работы, но стены, дышащие трехсотлетней стариной и хранящие в себе молитвенные обращения многих поколений верующих, вновь были наполнены пасхальными песнопениями — самыми дорогими для слуха и души каждого православного христианина. Вместе с Воскресением Христовым пережил радость обновления и Дом Божий.

Священноигумен Иринарх

После закрытия летнего храма на реставрацию Пасхальная заутреня совершалась на площади, перед Главными вратами, находящимися в ограде храма. В этом году удалось совместить старую и недавно появившуюся традиции. Богослужение началось в 22 часа в летнем храме чтением канона Боготелесного погребения, на девятой песне которого Плащаницу с изображением положения во гроб Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа священнослужители внесли в алтарь. После окончания этой службы за четверть часа до полуночи под мерный перебор колоколов с пением стихеры шестого гласа «Воскресение Твое Христе Спасе» духовенство и богомольцы в преднесении запрестольных икон вышли на площадь перед вратами. Там отец настоятель запел Пасхальный тропарь, возвещающий о победе Спасителя над смертью. Тихая, хотя и прохладная ночь начала весны огласилась пением торжественных гимнов Пасхального канона. После его окончания, во время пения любимой всеми «Пасхи» — стихер «Да воскреснет Бог», богомольцы чинно возвратились в летний храм. Священноигумен Иринарх вдохновенно прочитал Пасхальное слово святителя Иоанна Златоуста, и

после обычных ектений в конце заутрени началась служба часов. Она весьма скоротечна в день Светлого воскресения Христова, как и в последующие дни Светлой седмицы. И вот началась Божественная литургя. Отсутствие иконостаса из-за незавершенной реставрации в какой-то мере сблизило священнослужителей и верующих, которые имели редкую возможность созерцать самые таинственные моменты Святого возношения Божественных Таин Христовых. Божественная Литургия завершилась в 5 часов утра, после нее последовало традиционное чтение Пасхальных посланий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, а также освящение брашен богомольцев.

КРЕСТНЫЙ ХОД В НЕДЕЛЮ СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЕРОСАЛИМСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Традиционный Крестный ход, посвященный Иерусалимской Иконе Божией Матери состоялся 5/18 апреля 2010 года.

Не стал исключением и 2010 год, благо и погода с самого утра праздника Жен-Мироносиц установилась солнечная и теплая, природа словно возликовала вместе с людьми. В полдень праздничный колокольный перебор возвестил о начале молебна Пресвятой Богородице. С пением ирмоса «Отверзу уста моя» из Главных Врат появились участники шествия.

Начало Крестного хода

Проводимый ежегодно уже более двух десятков лет после возрождения церковной жизни в храме Архангела Михаила, он стал незаменимой частью духовной жизни общины.

Впереди несли граненый стеклянный фонарь со свещой, за ним Запрестольный Крест, иконы Пресвятой Богородицы, Господа Исуса Христа и далее виновницу торжества – Иеросалимскую икону Божией Матери, которую поддерживали на специальных носилках четверо прихожан (по пути они несколько раз менялись). Сразу за ними следовало духовенство в светлых ризах – пастыри впереди стада Христова.

С каждым годом состав участников заметно расширяется. Все от мала до велика участвуют в этом событии, объединяющем несколько поколений единоверцев. Среди участников немало людей преклонного возраста, беременных женщин, матерей с маленькими детьми, многие проходят Крестный ход всей семьей. И Господь дает всем верующим в Него силы преодолеть неблизкий путь и получить духовные плоды.

Для тех же, кто в первый раз принимал участие в Крестном ходе, это был ни с чем несравнимый опыт соучастия в многовековой традиции, проникающей в самое сердце своей народностью и возможностью совершить свой маленький духовный подвиг.

Еще не скрылись из вида купола родного храма, а богомольцы уже совершили первую остановку у источника, где священнослужитель щедро окропил всех святой водой. Затем участники шествия спустились в Михайловскую Слободу, жители которой из года в год ждут, когда икону Владычицы будут проносить мимо их домов, и они смогут, почтительно преклоняясь, пройти под ней.

В пути

На протяжении всего пути молитва не прекращалась ни на секунду. Даже когда богомольцев радушно пригласил на трапезу Никола Петрович Булычев, чтение канона продолжалось непрерывно, а участники подкрепляли свои телесные силы в несколько заходов. За столом звучали духовные песнопения и слова благодарности гостеприимным хозяевам.

После краткого отдыха богомольцы, перейдя Ново-Рязанское шоссе, направились к белокаменной часовне-мемориалу и после чтения Евангелия, приступили к последнему, самому тяжелому этапу своего пути, очень красивому восхождению на Боровской курган. По обе стороны дороги стоят деревья, на которых только-только набухли почки, а где-то уже пробилась первая листва. Часть подъема проходила в тени леса, где торжественная процессия красиво освещалась лучами солнца, проходящими сквозь кроны сосен. Достигнув самой высокой точки кургана, участники Крестного хода прошли по очереди под иконой и после небольшой остановки и окончания пения Пасхального молебна у родника пустились в обратный путь.

Символично, что на некоторое время мужчины, которые несли Иерусалимскую Икону, возложили ее на хрупкие плечи женщин. Те с трепетом приняли святую ношу, чем безмолвно выразили свою готовность, как Жены-Мироносицы, взять свой крест и идти за Христом.

Молитвенное шествие продолжалось через деревню Чулково, где бывшая клирошанка нашего храма Мария Михайловна Никифорова, встретив процессию, к всеобщей радости спела тропарь Пасхи «Христос воскресе из мертвых...»

Свернув с прямой дороги, богомольцы проследовали к Поклонному Кресту, на месте алтаря сгоревшего в 1956 году храма, освященного во имя Архангела Михаила.

Встреча иконы у двора Анны Васильевны Жагиной

Уже на закате Крестный ход достиг последнего в этот день источника – у подножия холма, на котором расположен Михаило-Архангельский храм.

Около десяти часов вечера молящиеся приблизились к церкви, где были встречены праздничным трезвоном, наполнившим радостью их души.

После возвращения в родные стены богомольцы живым ручейком прошли под иконой Пречис-

той в летний храм. По окончании пения величания и молитвенного обращения к Божией Матери настоятель храма священноигумен Иринарх тепло поблагодарил участников шествия и пожелал, чтобы Господь не оставил молитву сегодняшнего дня безответной. Ведь православная вера постигается делами веры, каждому нужен духовный труд, удивительным примером которого является настоящий Крестный ход.

А. Шнеппс-Шнеппе

МОЛЕБЕН СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

Год назад духовенство и члены Михаило-Архангельского единоверческого общества впервые имели возможность вознести свои молитвы Божией Матери перед Ее древним образом чудотворной иконы Смоленской в Новодевичьем монастыре города Москвы. Тогда мы испытали удивительное молитвенное вдохновение и благоговейный трепет. По благословению Высокопреосвященнейшего Иувеналия митрополита Крутицкого и Коломенского, Управляющего Московской епархией, нам была дарована новая встреча со святыней, дана возможность вновь обратиться с мольбой к Пресвятой Деве через Ее древний образ.

Духовенство во время молебна Смоленской иконе Божией Матери

На сей раз, несмотря на будний день, поклониться Божией Матери прибыли более 100 единоверцев. Кроме духовенства и членов общины Михаило-Архангельского единоверческого храма, в молебне участвовали: священник Иоанн Миролюбов и прихожане Покровского храма в Рубцове города Москвы, священник Алексий Порхун и прихожане Казанского единоверческого храма города Иваново, а также настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в Строгино города Москвы протоиерей Георгий Крылов и клирик Русской Православной Церкви Заграницей, приписанный к храму Нерукотворенного Образа Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа в Сетуни города Москвы диакон Антоний Алексеенко.

Молебен Пресвятой Богородице начался в 14 часов пением канона Смоленской иконе Божией Матери. После шестой песни канона был присоединен акафист Похвалы Пресвятой Богородицы. Знаменным роспевом исполнялся кондак «Взбранной Воеводе победительная», остальные тропари и кондаки читались поочередно всеми священниками, принимавшими участие в богослужении, а концы кондаков и икосов пропевались клиросом, как это бывает во время службы на утрени пятой субботы Великого поста. За акафистом последовало чтение Евангелия и возобновление канона, при этом духовенство и верующие прикладывались к чудотворной иконе. В конце богослужения была прочитана благодарственная молитва Пресвятой Деве.

У стен древней обители

Вдохновенные слова святых творцов гимнов в честь Божией Матери нашли горячий отклик в сердцах всех, собравшихся для Ее прославления в древний Успенский храм.

История Единоверия

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ Н.П. ЗИМИНОЙ «ПУТЬ НА ГОЛГОФУ». ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА СИМОНА ЕПИСКОПА ОХТЕНСКОГО

(Окончание)

ГЛАВА 14. «НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ ОТКРЫЛОСЬ БЫ»

Ничтоже бо есть покровено, еже не открыется, и тайно, еже не уведено будет (Мф. 10, 26)

С трагического дня гибели уфимского Святителя прошло более 80 лет. Кончилось семидесятилетнее «вавилонское пленение» страны нашей и нашей Церкви, утихли идеологические страсти, отошли в иной мир и уже держали ответ перед Богом почти все участники драмы 1921 года. Однако дискуссия о судьбе епископа Симона не утихает, вовлекая все новых и новых участников. Фактически в Уфе вновь, как и в 1920-х, идет ожесточенная полемика о том, кто же организовал убийство епископа Симона. В ней вольно или невольно участвуют писатели, историки, журналисты, работники компетентных органов, священники и сотрудники Церкви. Публикации последнего времени составляют солидный список, в котором присутствуют доклады на республиканской историко-культурной конференции в Уфе и на международной богословской конференции в Москве, роман «Благоуханная жертва» В. Дабича и газетные публикации «Кому мешал епископ Симон?» А. Лукманова и «Кому было выгодно убийство епископа?» А. Стасюкониса. Но первая и наиболее важная публикация появилась еще в 1992 году...

В феврале 1992 года, когда Уфимская Церковь еще и не приступала к собиранию материалов о жизни и мученической гибели Владыки Симона, в газете «Версия» (органе Комитета по борьбе с преступностью Башкирской ССР Министерства внутренних дел и Министерства безопасности БССР) появилась публикация под названием «Громкое эхо смертельных выстрелов». Ее авторов историка Е. Асабина и Г.П. Черепанова на мысль написать статью натолкнула трагедия убийства священника Александра Меня и появившиеся в печати обвинения в адрес спецслужб о причастности к этому убийству, раздававшиеся со стороны общественности. «Было такое уже в нашей истории, – написали авторы во введении статьи. – В начале 20-х годов в Уфе был убит епископ Симон. И тогда нашлось немало озлобленных на советскую власть лиц, попытавшихся свалить преступление на правоохранительные органы, на чекистов. Цель была одна – отомстить за Октябрьскую революцию, за утерю привилегий правящих при самодержавии слоев. У выстрелов, гибельных для отца Симона, оказалось громкое эхо». И дальше авторы подробно рассказали о том, как шло расследование убийства Владыки Симона «по горячим следам», и как оно было раскрыто.

Именно из этой статьи Церковь впервые узнала о том, что преступники якобы сняли с убитого уже епископа Симона золотой крест и два золотых кольца. Откуда у авторов статьи подобная информация? Выяснилось, что она основана на воспоминаниях бывшего сотрудника секретариата Уфим-

ской ГубЧК В. Деденко – тех самых, которые не раз уже цитировались в этой книге, и тех самых, которые либо никогда не публиковались ранее, либо публиковались в ведомственной печати, недоступной для простых смертных (газета МВД «На страже Октября»). Если бы не статья в «Версии» и не искреннее желание ее авторов снять с ЧК обвинение в убийстве уфимского архиерея, Церковь никогда бы не узнала ни воспоминаний В. Деденко, ни содержащегося в них принципиально важного свидетельства.

Итак, прочтем еще раз строки из публикации В. Деденко в газете «На страже Октября»: «Поздно ночью он [Епископ Симон] возвращался из собора. В 15 метрах от ворот дома его встретили выходящие с узлами грабители. Два выстрела – и он убит. Преступники сняли золотой крест и два золотых кольца».

Выделенный курсивом «факт» абсолютно противоречит показаниям свидетелей и современников убийства о том, что после выстрелов преступники быстро скрылись, они не могли не только прикоснуться, но даже и приблизиться к Владыке, окруженному множеством людей, то есть это была заведомая ложь.

Этот «факт» находится также в вопиющем противоречии с правилами и традициями Русской Православной Церкви. На православном епископе может быть либо панагия (по форме она существенно отличается от креста), либо панагия и крест вместе. Допустим все же, что этой тонкости – различия панагии и креста – могли не знать сотрудники ЧК. Но собственный (обратите внимание: не чей-то, не верующих – свидетелей происшествия, не «озлобленных на советскую власть лиц, пытавшихся свалить преступление на чекистов», а собственный!) рассказ чекистов о кольцах это ложь, которая раскрывает лживость всей версии об ограблении. Православный епископ не может носить кольца никогда и ни при каких обстоятельствах.

По церковным представлениям принятие священного сана означает в духовном смысле венчание с Церковью, а потому ставленник, если он был женат, клал свое обручальное кольцо на престол в алтаре во время хиротонии (таинства принятия сана) и более его не носил. Правда, в некоторых областях, например, на Украине, особенно в западной ее части, существовала традиция ношения колец женатыми священнослужителями; после смерти матушки священник, что иногда встречалось, также мог носить кольцо. Однако если вдовый батюшка (или мирянин) принимал монашество, то после пострига о ношении какого бы то ни было кольца (не колец, а хотя бы одного кольца) речи быть не могло. Отец Симеон, будучи последователем строгих старых обрядов, не мог носить кольца уже с момента его хиротонии в 1900 году. Кроме того, впоследствии он был пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита, рукоположен во епископа... На Владыке Симоне не могло быть никаких колец – ни одного, ни двух!..

Открывшаяся через 80 лет после убийства Святителя ложь помогает раскрыть всю правду. Эта ложь не является плодом слухов и домыслов случайных людей, так как изложена в воспоминаниях сотрудника секретариата ЧК, непосредственного свидетеля той активной работы по розыску преступников, какая разворачивалась на его глазах и озвучивалась в многочисленных телефонных разговорах руководителей разных ведомств. Но именно эта ложь не могла возникнуть сама по себе, пассивно, случайно, по недоразумению. Это активная ложь: ведь речь не о том, что чего-то не заметили или не нашли (по невнимательности, небрежности, умыслу и т. д.), а о том, что нашли то, чего не было и быть не могло. Следовательно, ложь эта придумана и придумана с очевидной целью: заставить людей поверить в версию об ограблении, дополнив ее красочной, яркой, убедительной деталью – золотым крестом и золотыми кольцами, да к тому же не одним, а двумя, – чтобы сильнее поразить воображение обывателя. Однако у лжи всегда есть автор, а значит, был и авторский план – план убийства. Кто же этот автор?

ГЛАВА 15. «СОВЕТСКИЙ ОБЕР-ПРОКУРОР»

Уста его полны проклятия, коварства и лжи;
под языком его мучение и пагуба;
сидит в засаде за двором, в потаенных местах
убивает невинного (Пс. 9, 28–29)

Обратимся еще раз к свидетельствам бывшего чекиста. После того, как в Дубничках прозвучали выстрелы, «...на место срочно прибыла оперативная группа во главе с начальником отдела Уфимского ГубЧК Евгением Тучковым и его заместителями Павлом Пальговым и Иваном Полянским...».

Имя Евгения Александровича Тучкова позорно и страшно знаменито в истории Православной церкви периода гонений от большевиков. С начала 1920-х и по 1931 год Тучков был главным надзирателем над Церковью и лично разработал многие планы по ее уничтожению. С весны 1922 года он трудился в Москве на ключевых постах антицерковной работы: одновременно возглавлял 6-й секретный отдел ГПУ–ОГПУ по уничтожению Церкви и являлся секретарем Антирелигиозной комиссии (комиссии по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства) при ЦК, а впоследствии при Политбюро ЦК РКП(б). Эта комиссия являлась главным партийным штабом, в течение почти 10 лет руководившим разрушением Церкви, искоренением веры и утверждением повального безбожия в Советской России. Бессменным ее председателем был Емельян Ярославский (Губельман), а постоянным секретарем – Евгений Тучков, совмещением двух своих должностей как бы подтверждавший безусловное единство партии и тайной полиции в церковном вопросе.

Этот человек имел незаурядный дар на фальсификации, провокации и беспардонную ложь. В 1922–1923 годах 6-й отдел ГПУ–ОГПУ провел по России огромное количество репрессивных дел, связанных с изъятием церковных ценностей. В это же время в целях уничтожения Церкви почти все епископы, за немногими исключениями, были сменщены со своих кафедр, сосланы и заключены в концлагеря, той же участи подверглись видные священнослужители и миряне. Выдающимся по подлости было появление в 1922 году «детища» Тучкова – обновленческого церковного раскола, за сопротивление которому был осужден трибуналом и расстрелян митрополит Петроградский Вениамин с тремя соузниками. В 1923 году за заслуги в организации этого и других процессов против духовенства Тучков был награжден пистолетом «Маузер». На его совести преследование Патриарха Тихона с личным участием в его допросах, арест Первосвятителя, организация судебного процесса над ним. Все последние годы жизни Патриарха Тихона Тучков собирал от осведомителей сведения о близких Патриарху людях, беспощадно преследуя всех тех, кто оказывал Святейшему помощь в ежедневном труде по управлению Церковью. При этом методы, которыми пользовался руководитель 6-го отдела, не отличались ни тонкостью, ни разборчивостью. Например, в сентябре 1924 года он составил список, куда входили духовенство и миряне, которые будто бы особенно были близки к Патриарху Тихону и настойчиво уговаривали его не допускать обновленцев в церковное управление. Сведения были, однако, настолько далеки от достоверности, что Тучков не решился провести обвиняемых даже через Особое Совещание ОГПУ. Список с тридцатью именами, минуя все судебные и внесудебные инстанции, был передан в бандотдел ОГПУ, ударная группа которого всех арестовала и тут же выслала – кого в Западную Сибирь, кого – в Туруханский край. Через некоторое время родственники арестованных, ошеломленные столь стремительно проведенными арестами и высылкой, стали выяснять происшедшее и жаловаться. И тут, выяснилось, что в списки актив-

ных церковников попали люди неверующие! Прокуратура потребовала пересмотра. Но ОГПУ в это время как раз отстаивало безграничность своих прав, стояло на своем твердо и согласилось лишь на смягчение приговоров, разрешив высланным переехать из глухой тайги в ближайший уездный город того же Туруханского края.

На совести Тучкова и арест в декабре 1925 года, и «дело» Местоблюстителя патриаршего престола священномученика митрополита Петра (Полянского); окончательное оформление раскольничьей группы архиепископа Григория (Яцковского); опубликование «декларации» митрополита Сергия 1927 года (за последние дела 1927 года Тучков был награжден грамотой и золотыми часами); фабрикация в 1929–1931 годах оперативно-следственных дел по всей России, результатом которых явились расстрелы многих священнослужителей и мирян. В 1931 году начальник секретно-политического отдела ОГПУ Я.С. Агранов (Сорензон) представил во ВЦИК ходатайство о награждении Тучкова за деятельность, связанную с уничтожением Церкви. Характеризуя своего подчиненного, Агранов писал: «Под руководством товарищаТучкова и при его непосредственном участии была проведена огромная работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихоновцев и целый ряд других течений). В этой работе он добился блестящих успехов. При его непосредственном участии проводилась в 1922 году работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. В 1923–1925 годах им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен Патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о лояльном отношении церкви к советской власти. На протяжении ряда лет товарищем Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви. Блестяще проведена работа по срыву объявленного папой Римским в 1930 году крестового похода против СССР.

Благодаря энергичной работе товарища Тучкова была раскрыта и ликвидирована в конце 1930-х и 1931 годах Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников «Истинно-православная церковь», опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов – 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие. Состоящий во главе этой организации церковно-политический центр, возглавлявшийся профессором Лосевым, Новоселовым, епископом Иосифом и другими, ставил своей задачей объединение под флагом церкви всех контрреволюционных сил для свержения советской власти и реставрацию монархии... Под руководством товарища Тучкова за последние 2–3 года было ликвидировано несколько сотен крупных антисоветских организаций и группировок церковников повстанческого и террористического характера. В деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группирующихся вокруг Церкви, Тучков проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость».

За все эти заслуги в октябре 1931 года Тучков был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1931 по 1933 год он занимал должность полномочного представителя ОГПУ по Уралу, а с 1933 года стал заместителем особоуполномоченного города Москвы. Он являлся «дирижером» политических процессов в Москве против «контрреволюционного» духовенства в 1937–1938 годах.

К 1939 году богоборческое государство эту работу посчитало в основном законченной: на свободе почти не оставалось православных епископов и священников, тогда Тучков был уволен из органов НКВД с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования»(!). После этого он работал лектором, а затем секретарем Центрального совета союза воинствующих безбожников. В 1947 году ушел на пенсию. Умер в Москве в 1957 году.

В Москве Тучков начинает фигурировать в документах ГПУ с весны 1922 года. «Уфимский» Тучков в августе-сентябре 1921 года действу-

ет еще в Уфе. Быть может, это однофамильцы? – Нет. Недавно нам стало известно, что свою кровавую деятельность в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД Евгений Александрович Тучков начинал именно в Уфе.

Он родился в 1892 году во Владимирской губернии в деревне Теляково. В 1903 году окончил четыре класса сельской школы. В 1905 году поступил мальчиком в кондитерскую. С 1911 по 1915 год работал конторщиком в кожевенно-обувной мастерской в городе Шуе. Затем три года был писарем при тыловых военных начальниках. После революции 1917 года вступил в партию большевиков. В 1918 году поступил в губернскую Чрезвычайную Комиссию Иваново-Вознесенска заведующим юридическим отделом. В 1919 году оказался в Уфе организатором отряда особого назначения. Был назначен на должность заведующего секретным отделом губернской ЧК. Весной 1922 года он переехал в Москву и здесь стал заместителем, а вскоре начальником 6-го секретного отдела ГПУ.

Таким образом, работу в органах Евгений Александрович Тучков, в кругах обновленцев известный как «игумен», а сам себя именовавший «советским обер-прокурором», начал в 1919 году начальником секретного отдела Уфимской губернской ЧК. В августе 1921 года, когда в Уфе произошло убийство епископа Симона, именно Тучков руководил расследованием преступления. Это – доказанный факт, как фактом является и фальсификация следствия.

Через несколько месяцев, зимой-весной 1922 года Тучкова переводят в Москву с серьезным повышением – на должность начальника секретного отдела ГПУ по уничтожению Церкви. За какие заслуги по службе Тучков получил повышение? Почему он назначается на ведущие посты именно в деле борьбы с Церковью? Не потому ли, что он уже проявил себя на этом поприще? Но в Уфимской губернии до 1922 года не было никаких других громких «церковных» дел, кроме убийства Владыки Симона! А это дело, так как его «расследование» как раз и вела оперативная группа под руководством будущего «советского обер-прокурора». Резонно предположить, что именно этому делу обязан Тучков заметному взлету своей карьеры.

В 1921 году в Уфимской ГубЧК заместителем Тучкова – начальником отделения, а затем начальником секретариата оперативной части (именно здесь служил В. Деденко) работал Иван Васильевич Полянский, бывший красный партизан, затем красноармеец, с 1921 года сотрудник ГубЧК. Тучкову Полянский определенно понравился – очевидно, близким образом мыслей, они хорошо сработались. Контакты по работе (то есть по борьбе с Церковью) продолжались и после переезда Тучкова в Москву. Более того, в 1926 году Тучков пригласил Полянского на работу в столицу, в 6-й отдел ОГПУ. Полянский, как и Тучков, специализировался на уничтожении церковнослужителей; вместе с Тучковым вел дело митрополита Петра, арестованного на Тобольском севере. За успехи в работе в 1927 году И.В. Полянский был награжден пистолетом «Браунинг». Он вел дела священнослужителей и в сороковые годы.

Так не являются ли Евгений Тучков и Иван Полянский авторами плана и организаторами убийства Владыки Симона? Утвердительный ответ – более чем вероятен. Расследование продолжается. Дальнейшие пути его ведут в центральные архивы ВЧК–ГПУ.

ГЛАВА 16. «И БУДУТ ХОДИТЬ СО МНОЮ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ»

И ходити имут со Мною в белых,
яко достойни суть (Апок. 3,4)

Останки епископа Симона в течение десяти лет покоились в Воскресенском кафедральном соборе. Вскоре после убийства со 2 по 8 октября 1921 года в Уфе состоялось очередное годичное Епархиальное собрание, разрешенное властями. Про-

ходило оно в соборном храме, у могилы Владыки. В программе среди прочих значился вопрос: «О помощи сиротам – семье почившего Епископа Симона и увековечивании памяти последнего». Собрание решило установить на месте гибели Владыки крест. На соответствующее ходатайство благочинного города Уфы протоиерея Виктора Нарциссова власти ответили, что «со стороны Губернского Отдела Управления к постановке креста на том месте, где был убит Епископ Уфимский Симон, препятствий не встречается». Мы не знаем, был ли сначала установлен крест, а затем его сменила скромная часовенка, или же часовенку поставили сразу. По воспоминаниям инокини Марии, представляла она собой простой деревянный столб с укрепленной наверху лампадкой, защищенной от ветра и дождя «домиком» («будочкой», «каморкой», как выразилась она), наподобие церковного фонаря.

Каждый год в день гибели Владыки на месте его злодейского убийства служились панихиды – «сергианами» и «староцерковниками», единоверцами и старообрядцами, и даже обновленцами. Пока публичные религиозные шествия не были запрещены, постоянно шли из уфимских церквей богомольцы крестными ходами к скорбному месту. Когда крестные ходы запретили и часовенку разрушили, верующие все равно приходили сюда 18 августа помолиться об упокоении Святителя. И долго еще пришлось властям выставлять здесь караул, разгонявший народ.

Наступление богоборческой власти на Церковь продолжалось. Постановлением горсовета от 14 мая 1931 года Воскресенский собор был закрыт. В 1932 году было принято решение его разрушить, однако взорвать честные останки епископа власти не решились. И вот «как-то ночью к людям, очень уважавшим Владыку Симона, пришли из ГПУ два человека и сказали: «Собор будет взрываться. Уже есть постановление. Епископа Симона нужно перенести на Сергиевское кладбище. Для этого в следующую ночь подберите надежных мужчин, в такой-то час ночью возьмите лопаты, придите с разных сторон, могилу выкопайте. Заранее договоритесь, к кому перенести ночью гроб с телом, а потом перезахороните. Не беспокойтесь, мы будем наблюдать».

Православный Уфимский Епархиальный Совет ходатайствовал о перезахоронении Владыки и получил от Комиссии при Президиуме Баш-ЦИК по вопросам культов особое

Разрешение.

Дано сие Уфимскому Епархиальному Совету в том, что им Комиссией при Президиуме БАШЦИК по вопросам культов разрешается перенос тела епископа СИМОНА из помещения Кафедрального собора на Сергеевское кладбище гор. Уфы при присутствии представителя Уфимской Городской милиции тов. САЙТОВА Султана.-

Настоящее разрешение действительно до 26-го июля с/г.

Единая гос. пошлина в сумме 3 рубл. взыскана.-

Ответственный секретарь комиссии по вопросам культов - /Хабулат/

Председатель - А. Турло /А. Турло/

Разрешение на перезахоронение мощей епископа Симона

письменное разрешение за номером 22-4, датированное 25 июлем 1932 года:

«Дано сие Уфимскому Епархиальному Совету в том, что им Комиссией при Президиуме БашЦИК по вопросам культов разрешается перенос тела епископа Симона из помещения Кафедрального собора на Сергиевское кладбище города Уфы при присутствии представителя Уфимской Городской милиции товарища Саитова Султана.

Настоящее разрешение действительно до 26-го июля с/года».

В распоряжении Епархиального Совета было менее суток. Изъятие останков епископа Симона из собора было осуществлено в обстановке глубокой тайны в ночь с 25 на 26 июля 1932 года.

В перезахоронении Святителя участвовали архиепископ Уфимский Иоанн (Поярков), священники братья Павел и Николай Бурдуковы и несколько мирян.

«Владыка Иоанн перевозил Симона сам. И ломовой извозчик, который вез гроб, был из бывших священников», – свидетельствовала дочь репрессированного уфимского священника Вероника Николаевна Бельская.

Гроб с останками епископа-мученика был перенесен сначала в дом благочестивых сестер Анастасии и Агаты (в свое время Анастасия была у Владыки Симона диакониссой, сестры очень почитали Святителя, вспоминали, как хорошо он служил; именно к ним приходили из ГПУ). Здесь гроб был открыт. Все участники перезахоронения Владыки свидетельствовали впоследствии перед многими верующими чудо нетления его мощей.

«Епископ Симон, – рассказывали Анастасия и Агата протоиерею Сергиевского кафедрального собора Уфы отцу Иоанну Федянину, – пролежав десять лет, выглядел так, будто его только что похоронили. В гробу ничего не тронуто. Лицо чистое, хорошее, нисколько не повреждено. Тело Владыки было нетленно, нисколько не разложилось, и запаха мертвенного никакого не было. И облачение – как только что надето».

Участники перезахоронения епископа Симона:
священник Николай Бурдуков (*слева*) и епископ Иоанн (Поярков)

Вспоминает протоиерей Уфимской епархии отец Валерий Мохов: «Я многократно слышал рассказ о перезахоронении епископа Уфимского Симона (Шлеева), в частности от тестя священника нашей епархии отца Николая Бурдукова. Он рассказывал, что в пере-

захоронении участвовали два брата Бурдуковых, оба священники, – отец Павел (старший из братьев) и отец Николай. Перезахоронение было совершено в одну ночь. Когда гроб с останками открыли, то увидели, что тело Владыки Симона было нетленно и ощущалось явственное благоухание. Это было чудо, Господь прославил Своего мученика. Этот факт стал широко известен верующим, его изустно передавали, и многие об этом говорили. Тесть отца Николая говорил об этом со слов непосредственных участников перезахоронения – отца Николая и отца Павла Бурдуковых».

О факте нетления мощей Святителя Симона со слов кого-то из участников перезахоронения рассказывала и неоднократно упоминаемая нами выше Валентина Николаевна Иванова. Об этом вспоминает Анна Никитична Киселева (дочь протоиерея Уфимской епархии о. Никиты Салия, рукоположенного во диаконы Владыкой Симоном):

– О самом Владыке Симоне я могу сказать только то, что мне говорила приятельница – Валентина Николаевна Иванова. Она была у нас в Уфимском Сергиевском соборе в 1960-е годы в двадцатке. Очень верующая женщина была, культурная такая, честная, добросовестная. Мы с ней вместе работали в церкви, я была продавцом, а она мне помогала. Вот что она рассказывала мне лично... Похоронен Владыка Симон был, как говорили, в Воскресенском соборе. Ну а потом прошло, я не знаю точно сколько – говорили, что года три. И вот что я слышала от Валентины Николаевны. Пришли тогда (не знаю, какое начальство было) и говорят: «Забирайте своего попа, если хотите. Будут собор ломать, а если не хотите забирать, то мы его выкинем. Забирайте ночью, чтобы никто не видел». И вот ночью Владыку Симона взяли (это был отец Павел Бурдуков. Ну, конечно, не один, а с кем-то, но с кем именно – не знаю) и перенесли на Сергиевское кладбище, где он сейчас похоронен. И когда открыли, говорит, гроб, то он лежал как живой – нетленные мощи. Вот что я слышала от нее, она всего этого очевидец, она и жила здесь. Я не знаю, видела ли она сама все это, скорее, знала со слов, ведь ее, конечно, все здесь знали, и она всех церковных знала. И она уже рассказывала истину, не прибавляла, не убавляла.

Могила епископов
Симона (Шлеева) и Иоанна (Пояркова)

Свидетельство Валентины Николаевны о нетлении мощей Владыки помнит и игумен Феофан (Кузьминых), которому она рассказывала: «Когда епископа Симона перезахоранивали, оказалось, что тело Владыки лежало во гробе нетленно – розовое, как будто его только что похоронили. Одежды во гробе не истлели, и все было в совершенном порядке».

Был еще один неожиданный свидетель нетления мощей Святителя Симона – его дочь. Вот как описывает свою встречу с Ксенией Шлеевой жительница Уфы Валентина Тимофеевна Королева, крестная дочь Владыки Андрея:

– Я видела дочь епископа Симона, давно это было, несколько лет тому назад (в 60-е – 70-е годы). Она была очень бедно одета, в лаптях, в монашеской одежде. Ну в черном, такая вся сгорбленная, с палочкой, уже старушка. Она была на Сергиевском кладбище около могилы Владыки и говорит: «Я дочка его», а потом рассказала: «Я была на похоронах, когда его переносили. Владыка Иоанн хоронил. Когда он переносил тело, я присутствова-

ла. И вот вскрыли могилу – тело отца нетленное. Нетленное!» Вот это она, его дочь, говорила, что тело вынимали, а оно нетленное было.

Той же ночью, без какой бы то ни было огласки нетленные мощи Владыки были захоронены на Сергиевском кладбище Уфы. Так через кощунство властей, взрывающих храм, открыл Господь небесную славу Владыки-мученика. Так в мрачное время гонений укрепил и поддержал Он тех, кто хранил верность Церкви, претворил их скорбь в радость от зрения истинного чуда. В годы царствования воинствующего безбожия показал Он, что не оставил Уфимскую землю, освященную невинною кровью убиенного Святителя.

Через полгода, 30 января 1933 года, скончался Владыка Иоанн (Поярков). Перед смертью он завещал положить его под одним крестом со Святителем Симоном, которого знал с 1900-х годов и очень почитал. Потому почившего схиархиепископа захоронили рядом с епископом Симоном, слева от него. Могилы двух архиереев окружили единой оградкой и установили общий деревянный крест с двумя надписями: «Здесь покоится прах Схиархиепископа Уфимскаго и Давлекановскаго ИОАННА ПОЯРКОВА //скончался 1933 года 30 января 49 лет» и «Здесь покоится прах Епископа СИМОНА ШЛЕЕВА Охтенскаго Управляющаго Уфимской Епархией // скончался 1921 года 5 августа 49 лет».

ГЛАВА 17. «ПРОСЛАВИЛ И ЕЩЕ ПРОСЛАВЛЮ...»

Ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть (Мф. 5, 15)

На протяжении всей своей жизни Симеон Шлеев боролся за право Единоверия на своего епископа и по достоинству стал первым единоверческим Владыкой, не ведая, что этим определил свое восхождение на Голгофу в кровавое время господства слуг сатаны. Церковь сохранила живую память о своем сыне, который в конце многотрудного земного пути принял венец мученичества. «Епископ Симон пользовался огромным авторитетом. Великий дар прозрения будущего дал ему Господь», – утверждал историк Зарубежной Церкви. «Впоследствии были и другие единоверческие епископы в составе русского епископата... но такого видного и энергичного деятеля единоверия, как убитый Преосвященный Симон (Шлеев), более не было...», – так оценил место Владыки в истории один из иерархов Русской Православной Церкви.

Соборное церковное сознание однозначно восприняло гибель первого единоверческого епископа как мученичество за веру непосредственно от большевиков или же вследствие их властвования в стране. Первое из известных нам печатных сообщений Церкви о гибели Владыки было опубликовано в 1922 году в издаваемом во Владивостоке журнале «Путь», в разделе «Жизнь в епархиях»: «...За последнее время скончались – епископ Симон Охтенский (единоверец), архиепископ Тихон Воронежский и архиепископ Омский Сильвестр».

В 1923 году «Церковные ведомости», издаваемые в Белграде при зарубежном Архиерейском Синоде, в статье под заглавием «Сведения об убитых, замученных и заключенных в тюрьмах большевиками Русских Православных епископах за время с 1918 года и о других актах насилия над Русской Православной Церковью» сообщили: «...умерщвлены в собственных домах Архиепископ Иоаким в Крыму, Епископ Симон в Уфе. Последний убит в ночь на 6-е июля 1921 года». Не известно, на чем основана эта неверная дата гибели Владыки, но она утвердилась, к сожалению, в зарубежных источниках.

В 1926 году «Церковные ведомости» опубликовали Синодик Рус-

ских православных епископов, убиенных, умученных и умерших с 1917 года. Среди прочих имен – Симон (Шлеев), епископ Охтенский. Этот же синодик был перепечатан в «Церковном Вестнике Западно-европейской епархии» в 1927 году и дополнен фразой: «Помолитесь, читатели, об этих священномучениках».

Профессор Н.Н. Глубоковский в работе «Русская богословская наука в ее историческом развитии...» сообщает, что епископ Симон (Шлеев) «...был убит большевиками».

В первом собрании материалов «Новые мученики Российские», опубликованном протопресвитером М. Польским в 1949 году, имя Симона (Шлеева), епископа Уфимского, приведено в «Общем списке Российского епископата, претерпевшего мученическую кончину во время гонений на Церковь от безбожников-большевиков», где указано, что он застрелен в своей квартире 6 июля 1921 года.

В 1981 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей причислил епископа Уфимского Симона (Шлеева) к лику святых и установил день его памяти на 6/19 июля (в соответствии с неверной датой гибели Владыки, известной Архиерейскому Синоду Зарубежной Церкви).

* * *

В условиях большевистского властвования в самой России церковных публикаций о гибели епископа Симона не было. Лишь в своем рукописном труде «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы» митрополит Мануил (Лемешевский) ошибочно указывает, что «Симон (Шлеев Симеон)... В 1920 году – епископ Уфимский (единоверческий), а затем епископ православный той же кафедры. Убит в Уфе 12 сентября 1921 года».

К сожалению, именно этот фундаментальный, написанный в сложных условиях советского времени труд митрополита Мануила является источником неверных сведений о статусе и дате гибели Владыки Симона, приведенных позднее во многих других изданиях и каталогах, в частности, в известном фотоальбоме-синодике «Русские православные иерархи. Исповедники и мученики», изданном Зарубежной Церковью; в приложении к «Актам Святейшего Патриарха Тихона...» и других. Ошибочны сведения о периоде пребывания Владыки Симона на Уфимской кафедре и в каталоге епархий, составленном (также в известных условиях гонений на Церковь) М.Е. Губониным, где указано: «1918–05(18). 08. 1920: Симон Шлеев».

Полагаем, что период пребывания епископа Симона на Уфимской кафедре и дата его убийства с необходимой полнотой уточнены выше и не смогут в дальнейшем вызывать сомнения. Однако на вопросе о статусе Владыки в Уфимской епархии остановимся еще раз, дабы подробнее обсудить его с разных сторон, учитывая неверное представление, существовавшее в течение длительного времени.

Строки митрополита Мануила позволяют двоякое толкование. С одной стороны, они могут означать, что в Уфе имелась своя единоверческая кафедра. Это не соответствует действительности, подобной кафедры в Уфе никогда не было. Согласно определению Поместного Собора Российской Церкви от 7 марта 1918 года в Уфимской епархии была учреждена единоверческая кафедра Саткинская с местожительством для епископа в Златоустовском Воскресенском единоверческом монастыре, но никак не Уфимская.

Утверждение, что Симон стал православным «затем» неверно – Владыка сразу был прислан как управляющий православной епархией.

С другой стороны, выражение митрополита Мануила может быть истолковано таким образом, что сначала Симон временно управлял Уфимской православной епархией, оставаясь епископом единоверческим, а затем стал полноправным уфимским архиереем с титулом «Уфимский и Мензелинский», потеряв при этом статус единоверческого Охтенского епископа. Если сам митрополит Мануил не приводит точной даты подобного изменения статуса Владыки, то у других авторов встречается более точное указание на январь или февраль 1921 года.

Мы уже показали, что это не соответствует действительности. Владыка до конца своей жизни оставался епископом Охтенским, временно управляющим Уфимской епархией. Об этом прямо свидетельствует ставленническая грамота диакона Никиты Салия, выданная 16 июля 1921 года. Об этом свидетельствует надпись на могильном кресте Владыки. Наконец, однозначные указания о том, что Симон продолжал оставаться Охтенским епископом в период после мая 1921 года, содержатся в уже цитированном ранее проекте заявления петроградских единоверцев митрополиту Вениамину, составленном А.А. Ухтомским: «До настоящего времени мы продолжаем... числиться в ведении упомянутого выше Епископа Симона, управляющего ныне Уфимскою епархиею... и желаем, чтобы отныне, в виду более чем годового отсутствия из Петрограда Епископа Симона, управление единоверческими приходами Петроградской епархии было изъято из его ведения не только фактически, но и официально». Заметим также, что по свидетельству игумена Иринарха (Денисова) родные Владыки, потомки отца Григория Шлеева, всегда вспоминали о Симоне только как об Охтенском единоверческом епископе. Едва ли они умолчали бы о столь необыкновенном событии, как превращение первого епископа единоверцев в православного Уфимского и Мензелинского архиерея.

Откуда же в таком случае указания на перемену в положении Владыки с точностью до месяца? Какое событие произошло (или, скорее, могло произойти, по мнению некоторых авторов) в январе-феврале 1921 года? Нам представляется, что речь может идти только об одном событии – о назначении Патриархом Тихоном епископа Уфимского и Мензелинского Андрея (Ухтомского) на Томскую кафедру. О соответствующем документе сообщает М.Е. Губонин в «Актах Святейшего Патриарха Тихона...», относя его к 1921 году без указания точной даты. Если бы этот указ относился к началу 1921 года (когда следствие над епископом Андреем в Омске было закончено и, по некоторым сведениям, он был ненадолго освобожден), то можно было бы полагать, что временно управляющий Уфимской епархией Симон Охтенский в это самое время был назначен правящим епископом Уфимским. Однако датировку указа Святейшего Патриарха до сих пор уточнить не удалось. По мнению историков Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, основанному на сравнительном анализе различных документов, этот указ датируется, скорее всего, концом 1921 года, и епископ Андрей оставался Уфимским архиереем в течение всего периода пребывания в Уфе Владыки Симона. Таким образом, вероятным источником ошибки в описании положения Владыки Симона на Уфимской кафедре является все еще недостаточная изученность судьбы епископа Андрея в этот период, точных дат его заключений под стражу и кратковременных освобождений.

* * *

В Русской Церкви в России и под гнетом богоборческой власти жила, не угасая, и свято сохранялась память о первом единоверческом епископе Симоне. Сугубым днем поминовения Владыки был день Преображения Господня. Этот светлый праздник собирал близких верующих и давал повод, чтобы вспомнить Владыку. «Вот сегодня, – говорил на таких встречах московских единоверцев Михаил Григорьевич Шлеев, – день радости великой, потому что Преображение Господне, а для нас и день скорби, и день радости одновременно. Скорби – потому что в этот день Уфимская епархия лишилась своего любимого Владыки Симона, а мы лишились родственника и молитвенника за нас, а радости – потому что он причислен Господом Богом к лику святых мучеников, так как кончина его была мученической, за правду и веру Господню». В 1995 году единоверцами Московской епархии была написана и поднесена в дар Уфимской епархии первая икона Святителя.

Несколькими поколениями верующих Уфимской епархии бережно сохранялось предание о погибшем уфимском Владыке, об обстоятельствах его кончины, погребения и перезахоронения, пока, наконец, не при-

шло время и сему тайному стать явным миру. Во времена утеснений не иссякал поток почитателей епископа-мученика на Сергиевское кладбище Уфы, не прекращалась молитва о нем.

1999-й год, юбилейный для Уфимской епархии, отмечавшей 200 лет своей истории, стал годом прославления Преосвященного Симона в лике местночтимых святых. Торжества прославления состоялись в Богородско-Уфимском храме Успенского монастыря Уфы – том самом «Богородицком храме села Богородского», в котором Владыка служил на Казанскую в 1920 году. Величание Святителю прозвучало под сводами восстановленного храма у Богородско-Уфимской иконы Божией Матери – чтимого списка чудотворного образа, пред которым молился Владыка в Воскресенском соборе все недолгие месяцы своего пребывания на Уфимской кафедре.

Святой священномученик Симон, епископ Охтенский

25 октября архимандритом Серафимом и собором духовенства Уфимской епархии была отслужена последняя панихида по епископу Симону и иным прославляемым новомученикам. 26 октября после праздничной, в честь юбилея епархии, Божественной литургии, совершенной митрополитом Солнечногорским Сергием, управляющим делами Московской Патриархии, архиепископом Ульяновским и Мелекесским Проклом и епископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном в сослужении сонма духовенства, состоялся чин прославления в лике местночтимых святых новомучеников Уфимских: Святителя Симона (Шлеева) (†1921), протоиерея Евграфа Еварестова (†1919), иерея Аверкия Северовостокова (†1918), иерея Алексия Канцерова (†1918), иерея Тимофея Петропавловского (†1918) и игумении Маргариты (Гунаронуло) (†1918).

В августе 2000 года Архиерейский Церковный Собор причислил священномученика Симона, епископа Уфимского, к лику святых всей полноты Русской Православной Церкви – Собору новомучеников и исповедников Российских XX века. Празднование памяти Святителя установлено на день его кончины – 5/18 августа.

* * *

Как муками, страданием и кровью взращены были плевелы церковной вражды, так и мученической смертию достояло им быть попрану и уничтожену навек. Потому промыслительно, что первый православно-старообрядческий архиерей, посвятивший свою многотрудную жизнь преодолению раскола, удостоился нетленного венца мученичества, стал жертвой благоуханной, благоугодной Богу, и просиял в сонме святых Матери – Православной Церкви.

«И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?

Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца; за это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них...» (Апок. 7, 13–15)

ДревнерУсское благочестие

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ИНОКИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ

Посвящается 100-летию повторного прославления преподобной Анны в лике святых

(Окончание)

УНИЧТОЖЕНИЕ КАНОНИЗАЦИИ ПРЕПОДОБНОЙ АННЫ

Церковная слава благоверной Анны засияла в годы молодости Алексея Михайловича, в ту «весну», которую украсило столько проявлений его благочестивой настроенности, религиозного одушевления, идеализма церковной политики... Через 25 лет многое изменилось. Кто мог тогда предполагать, что на ветру жизненных противоречий, требований и запросов народной совести, поворотов государственной и церковной политики реформа обрядов, устава и исправление старопечатных книг приведут к расколу в Церкви; что царевы други и слуги, ревнители благочестия и их последователи, окончат жизнь расстригами под соборной анафемой?

Былые стремления ревнителей к праведной жизни под водительством иерархии и покровительством царя обернулись взаимным непониманием, враждою и заключились расколом с его символом — двуперстием.

Не углубляясь в изложение истолкований раскола, отметим только суть его — роковой разрыв между национальной, государственной Русью и народной верой.

Если в каждом историческом процессе есть свои события и деятели, главные и второстепенные, то в борьбе со сторонниками дореформенных чинов, начавшейся после Собора 1666—1667 годов, выступает на первый план фигура патриарха Иоакима (1674—1690). В его правление и была вычеркнута из святцев благоверная княгиня Анна.

По-видимому, патриаршая администрация усмотрела старообрядческую проповедь в распространившихся слухах о том, что благоверная княгиня Анна Кашинская, прославленная святая, покоится в гробу, имея руку «на персях лежащую согбенну с перстами, яко благословляющи», и тем показала, как русским людям надо креститься; когда при открытии мощей ей пальцы разгибали, она вновь сложила их двуперстно!.. И это утверждали свидетели-очевидцы, отец и сын — два священника, которые 30 лет назад присутствовали при вскрытии мощей.

Слухи добежали до Москвы. Церковная власть встревожилась... и была послана контрольная комиссия в Кашин.

Новый досмотр оказался неблагоприятным: комиссия обнаружила, что мощи и ризы «не нетленны», тогда как в житии Анны ложно упомянуто причетником Никифором, что «тлению не только мощи, но и ризы непричастны». «Руки благословляющей», то есть сложенной двуперстно, комиссия тоже не усмотрела: «Рука в завитии (в сгибе) погнулась, однако персты лежат прямо, а не благословляющи», то есть она просто прижата к груди, и пальцы не сложены ни в двуперстие, ни в троеперстие.

Опрос под присягою свидетелей, вероятно, подтвердил все случаи благодатной помощи, так как комиссия впоследствии к обсуждению чудес не возвращалась.

С этими данными комиссия вернулась в Москву. Патриарх Иоаким тотчас созвал малый Собор из

6 архиереев, находившихся тогда в столице. Комиссия представила пространный доклад.

Несомненно, главным пунктом его было опровержение двуперстия: «руки благословляющей» обнаружено не было. Но этого довода для уничтожения канонизации было недостаточно.

По-видимому, комиссия давала себе отчет, что отрицать двуперстие мало, потому устремила свое внимание на житие преподобной Анны.

В нем были уязвимые для критики строки — упоминание о совершенной нетленности мощей и риз, тогда как они частью истлели. Тем самым на автора жития ложилась тень «лгателя», да и на авторитеты свидетелей-священников (отца и брата причетника Никифора), житие распространявших. Не заключало ли оно еще каких-нибудь «измышлений»? Комиссия сверила житие с летописями и со Степенной книгою и нашла девять «несогласий».

Патриарх Иоаким

Собор заслушал доклад комиссии и постановил: 1) житие и сказание о чудесах признать недостоверными; 2) гроб благоверной княгини Анны с мощами в Воскресенском соборе запечатать архиерейскими печатями; 3) покров с образом княгини Анны и иконы взять в Москву и, впредь до рассуждения и подлинного рассмотрения Великого собора, образов не писать; 4) празднеств княгине Анне не отправлять, молебнов не петь, а церковь во имя ее, «без известного испытания освященную», запереть и запечатать.

В этой тяжелой атмосфере 1 января 1678 года открылся Великий собор, на котором присутствовали 5 митрополитов, 6 архиереев, 7 архимандритов, 3 игумена.

В своих рассуждениях Великий собор был обстоятельнее, смелее и суровее Малого Собора. Он поставил под вопрос самые канонические основания прославления.

Все постановления малого Собора были утверждены с некоторыми дополнениями: храм благоверной княгини Анны переименовать во имя «Всех Святых», мощи ее пусть там стоят, как обыкновенная княжеская гробница; княгиню Анну поминать «об упокоении» вместе со всеми православными великими князьями и княгинями; наконец, именовать не Анною, а Софией — именем, которое ей дано при постриге.

Этими постановлениями заключилось уничтожение канонизации благоверной княгини Анны, то есть изъятие ее из святцев — единственное, беспримерное явление во всей истории Русской Церкви...

Патриарх Иоаким и отцы Соборов руководствовались требованиями своей политики, но святость княгини Анны они до конца не отрицали. Доказательством тому: 1) дипломатически-осторожные заключительные слова постановления, запрещавшие молебны и службы святой до времени, «аще чем Бог впредь объявит и утвердит», и 2) приписка почерком XVII века на заглавном листе жития при сдаче его в патриарший архив: «В 7186 лето Великий Государь Святейший Иоаким, патриарх Московский и всея Руси, сей книге, лживое сказание о Анне Кашинской Кашинского попа с причетником и своими сродники, указал быти в своей ризной казне впредь для спору», то есть хранить его как оправдательный документ запретительных постановлений, если впоследствии их станут оспаривать.

Развенчание благоверной княгини Анны — один из эпизодов борьбы Русской Церкви с расколом, не самый страшный, не кровавый — одна из обид, нанесенных верующему на-

роду. Как всякая горькая обида, принятая и пережитая, она только углубила и осмыслила любовь почитателей к своей святой покровительнице. Верующие русские люди княгине Анне не изменили и память ее не предали; почитание кашинской святой продолжалось.

ПОЧИТАНИЕ РАЗВЕНЧАННОЙ ПРЕПОДОБНОЙ АННЫ

Церковная развенчанность благоверной Анны длилась 230 лет, но живая вера Кашина и всего Тверского края не охранила святую от забвения. Последовательности записей почитания Анны в течение XVIII века нет, есть лишь отрывочные указания.

Известно, что в 1728 году бургомистр Кашинский обратился к архиепископу Тверскому Феофилакту с ходатайством о разрешении «совершить крестный ход в день Всех Святых из Воскресенского собора, где мощи благоверной княгини Анны, по всем монастырям и церквам города». Разрешение было дано, и с тех пор в ежегодном крестном ходу, который обычно длился с 7 часов утра до 2–3 часов пополудни и собирал тысячи людей со всего города и уезда, носили огромную, в рост человека, икону Анны по преданию, писанную на ее гробовой доске.

Известно еще, что 3 мая 1766 года в Кашине был большой пожар, и Воскресенский собор сильно пострадал, была повреждена и гробница благоверной княгини Анны. Оповещенный о событии архиепископ Тверской и Кашинский Гавриил прислал предписание — гроб накрыть доскою, а мощи запечатать «доколе мы повреждение их (мощей) не освидетельствуем». Это «доколе» так и осталось, архиепископ Гавриил в Кашин не приехал.

Погоревший собор решили отстроить заново, а мощи временно перенести в Успенский собор. 15 мая 1766 года перенесение состоялось. Подробностей этого события не сохранилось.

В дни памяти благоверной Анны при гробе ее служили панихиды. В описаниях датированных чудес между 1711 и 1746 годами постоянно упоминается: «отслужили панихиду благоверной княгине Анне», «обещала панихиду и обещанное исполнила». «Отслужили молебен Владимирской Божией Матери и панихиду княгине Анне... Отслужили панихиду благоверной княгине Анне, а потом молебен Воскресению Христову... Отслужили молебен Спасу и панихиду княгиен Анне» и так далее.

Были ли в XVIII веке другие проявления почитания святой Анны?

Тверской и Кашинский архиепископ Иоасаиф, написавший «Житие и дела святого благоверного князя Михаила Тверского», заинтересовался судьбою его супруги: через Духовное Кашинское управление 20 июня 1786 года он предписал благочинному Кашинского Воскресенского собора отцу Димитрию Михайлову представить в Тверское Епархиальное управление письменные сведения о мощах и записи чудес великой княгини Анны. Документы были в Тверь доставлены, а потом возвращены в собор со словесным приказанием благочинному — по-прежнему отправлять молебны Божией Матери с приложением канона благоверной княгине Анне.

Эти данные свидетельствуют, что у гроба во второй половине XVIII века служили молебны Богоматери с каноном Анне и заключительной молитвой, которая сохранилась до нашего времени. Архиепископ Иоасаф лишь эту форму почитания утвердил.

Однако благосклонное отношение духовного начальства к почитанию благоверной Анны длилось недолго: через три года последовало распоряжение от 31 октября 1789 года нового архиепископа Тверского Тихона — на основании Духовного Регламента предписывается следить, чтобы не было вымышленных, ложных чудес и чтобы не освидетельствованным телам мертвых не воздавались почести. Этим предписанием начальство взяло почитание благоверной Анны под контроль. Церковная политика

при Екатерине II была извилиста: отношение к старообрядцам смягчилось, зато чрезмерно ревностное почитание мощей местных угодников казалось в эпоху Просвещения уклоном к фанатизму и нездоровому суеверию. Пение канона у гроба Анны прекратилось, запись чудес тоже. Верующие, дабы их не заподозрили в измышлении чудес, молчали, а духовенство, во избежание неприятностей, дознаний об исцелениях не производило.

Кашин. Вид на торговую площадь с церкви Илии Пророка. Фото 1894 года

Весьма сдержанное отношение к кашинской святыне сохранилось и при Александре I.

После пожара Кашинский собор строился очень долго, закончен он был в 1817 году. Перед его освящением представители города обратились к Тверскому архиепископу Серафиму с просьбой разрешить перенести мощи благоверной княгини Анны из Успенского в Воскресенский собор. По-видимому кашинцы надеялись обставить это перенесение с подобающей пышностью. «Храм сей... есть сердечное жертвоприношение усердствующих Царю Вселенной и Его угоднице благоверной княгине Анне, в городе Кашине почивающей...», — торжественно заявляли кашинцы в своем прошении. Они ссылаются на избавление родного города в 1812 году от нашествия французов, которые были в 100 верстах: «по упованию на молитвы и предстательство угодницы Божией Анны, не только никто из города нашего не выезжал, но еще оный был убежищем для других многих городов от неприятеля разоренных. В то время были крестохождения двенадцать раз, в коих обносим был образ благоверной княгини Анны, издавна написанный и украшенный серебряною ризою». На прошение, овеянное теплотою религиозного чувства, последовала формальная резолюция: «Перенести мощи при пении “Святый Боже” и звоне колоколами, а по перенесе-

нии отпеть панихиду и поставить гроб у стены, как в Успенском соборе, без особенных церемоний», то есть перенести как обычно переносят покойников.

Но народная преданность святым не воспламеняется и не гаснет по распоряжению власти... Благоверную княгиню Анну перенесли как обыкновенную покойницу, но это событие незаметным не осталось: 17 ноября сделалось ежегодным днем празднования памяти ее и с годами все более торжественным; по праздничному настроению в городе оно впоследствии напоминало двунадесятый праздник.

В течение XIX века кашинцы терпеливо и усердно добивались возобновления почитания княгини Анны.

В конце XIX века отношение власти к старообрядчеству изменилось, по-новому зацвело и благочестивое воодушевление кашинцев. Надо отметить, что благочестие Кашин никогда не покидало. Когда в 1860 года правительство решило улучшить быт духовенства и для этого постановило сократить в городах количество приходских церквей, кашинцы постановлению воспротивились. На 2000 жителей в городе было 19 приходских церквей, из них было предписано оставить 8–10. «Нас не помилует благоверная Анна, если мы свои церкви не отстоим», — заявили кашинцы и решили все церкви сохранить. Вклады на причты «на вечные времена» потекли со всех сторон, и ни одна церковь не закрылась.

В 1867 году был освящен пристроенный к «холодному» собору — «тёплый» (с приделом во имя святого благоверного князя Михаила Тверского), внутри богато отделанный: много позолоты, живописи, массивных бронзовых предметов церковного обихода. Теперь Воскресенский собор мог вместить несколько тысяч молящихся. В начале XX века благодаря дальнейшим усовершенствованиям он стал лучшим по благолепию собором Тверской епархии.

Среди множества икон в соборе находилось более 20 старинных XV, XVI, XVII веков прекрасного письма. Драгоценной святыней был образ Спаса, по преданию, икона князя Василька; икона Анны весьма древняя, поступившая из старообрядческой молельни села Пестрикова; древнего письма икона благоверного князя Михаила Ярославича и благоверной княгини Анны... Хранились Евангелие и сосуды, присланные князем Куракиным «в честь святой Анны» в 1678 году, когда Собор в Москве запретил почитание кашинской святой.

В 70-х годах после видения княгини Анны настоятельнице Сретенского монастыря Антонии (Мезенцевой) кашинские монастыри усиленно переписывают и распространяют житие святой Анны.

В коронацию Александра III делегация города Кашина подносит царской чете в Твери икону благоверной княгини Анны.

Тверские архиереи конца века — преосвященные Филофей, Савва, Димитрий — открыто проявили свое благожелательное отношение к почитанию Анны и поминали ее на отпустах и на литиях за всенощной.

В 1885 году архиепископ Савва разрешил открыть в Бежецком уезде первую церковно-приходскую школу имени благоверной княгини Анны.

В 1890 году, «ввиду необычайной торжественности и из года в год возрастающего многолюдства на праздновании святой Анны 17 ноября», губернатор ограничил торговлю в Кашине в этот день. С 1907 года торговля 17 ноября была запрещена, а учебные заведения закрывались.

Перед вступлением в брак, на службу, перед постригом, перед началом учебных занятий, принимая серьезное решение, не говоря уже о всяких бедах, болезнях и скорбях, верующие шли молиться ко гробу благоверной Анны.

Воскресенский собор был для кашинцев не только домом Божьим, но и местопребыванием благоверной Анны. И настолько это вошло в жизнь, что нередко можно было услышать: «иду ко всенощной к Благоверной... Я только что от Благоверной... Мы будем венчаться у Благоверной...» «Благоверная» стала в просторечьи наименованием городского собора.

В 1899 году почитатели княгини Анны узнали о важном событии: Тверской архиерей прислал указ консистории — вручить настоятелю Воскресенского собора книгу «для записей исцелений и других благодатных действий, подаваемых княгиней Анною Кашинской».

Чудес в этой книге с 1899 года по март 1909 года записано 30. Вероятно, их было больше. В предисловии к книге настоятель собора отец Иоанн Аменитский отмечает своеобразную черту русских людей — они о происшедшем с ними чуде молчат и уговорить их поведать тайну услышанной молитвы нелегко; не склонны богомольцы отвечать и на распросы, какие побуждения привели их ко гробу преподобной Анны. Особенность этих чудес такова: Анна является «в тонком сне», обычно в образе монахини высокого роста, статная, благообразная лицом, возраста лет 50-ти. И именует себя «Анною благоверною». Иногда она дает повеление съездить в Кашин к ее мощам и помолиться (исполнив повеленное, больной получает исцеление); иногда она укоряет в неисполнении обета сходить в Кашин или за «нерадивую молитву», препятствующую чуду исцеления; иногда ее видят в соборе в гробу, но не мертвою, и живою, и она дает какой-нибудь знак своего благоволения к страждущему, который и выздоравливает. Случается, что по молитве к Анне получают во сне ответ на какое-нибудь недоумение (например, указание бедной крестьянке пропавшие деньги искать там-то). Иногда не сама Анна, а кто-нибудь другой (великомученица Екатерина, некий светлый старец, священник-духовник, родственник или сосед) является в сновидении и советует больному помолиться у ее гроба. Бывали случаи, когда, вернувшись с богомолья, больные получали исцеление. Иногда наступало выздоровление по молитве к святой Анне дома, и тогда исцелившиеся ездили в Кашин воздать святой благодарение.

Вот случай, в простоте сердечной рассказанный, как чудо произошло. «Посадила я свою больную девочку (трех лет, парализованную) при гробе на первую ступеньку помоста, а сама стала горячо молиться — и через два-три дня дочка начала поправляться, а через неделю вышла на улицу».

Или: «со слезами молилась у раки, а потом оттерла изъязвленные руки концом покрова, что на святых мощах, и вскоре исцелилась (столичные врачи считали болезнь неизлечимой)».

Был случай, когда святая Анна являлась не во сне, а наяву.

«Я была больна, – рассказывает свидетельница, – три недели не сходила с постели, ноги не могли сделать ни шагу. Я вдова, сын женатый. Никого дома не было, я лежала одна. Вижу: два человека входят в дом, сзади — монашенка. На людях шапки светлые какие-то, а у монашенки лицо необыкновенно белое, а выражение лица очень доброе, приятное. Она подходит и говорит: «Что же ты не идешь ко мне?..» Я спросила: «Куда?» — «В Кашин, к Анне благоверной... Я пришла за тобою...» Всему виденному и слышанному я крайне удивилась. Все три лица вышли из дома. Ничего не думая, я встала и вдруг пошла... И тут только уразумела, что до прихода я ступить не могла, а теперь хожу свободно. С тех пор я здорова. Как же мне не плакать слезами радости от такой милости Божией, поданной через вашу молитвенницу, угодницу Божию Анну! Все сказанное я видела не во сне, а как есть, среди бела дня, и теперь еще в памяти сохранила».

Наконец, некоторые чудеса записаны очень подробно, приведем два из них:

1. «Мне было двадцать лет, я вышла замуж за известного по богатству кашинского купца Сысоева (муж строгий, но я во всем покорялась его воле, потому что из семьи тоже строгой, богобоязненной). Любила ходить в храм, а дома вышивала для церкви. После свадьбы скоро заболела. Доктора не помогали. Невыносимые головные боли. Во сне увидела нашу святую заступницу, благоверную княгиню Анну Кашинскую. Красивая, высокая... «Иди в мою часовню и отслужи молебен, тогда только будешь здорова», — сказала она. «Какая часовня? Где она?» — думала я во сне. Не успела спросить, святая берет меня за руку и уводит с собою. Вижу кашинскую площадь,

собор и часовню, где (как я узнала потом) находится образ святой Анны... После этого сна я стала стремиться попасть в эту часовню. Невообразимо трудно было мне вырваться от домашних, но все же я ускользнула и через силу доплелась до собора. Просила отслужить в часовне молебен, но меня встретили насмешками и издевательствами. Тогда я обратилась к соборному священнику отцу Гавриилу. Этот отзывчивый батюшка приказал принести ему ключи. Их еле нашли и отперли дверь. Замок заржавел (давно никто в часовню не заглядывал). Отслужили молебен. Я молилась со слезами и увидела, что лик на образе святой Анны тот же самый, что и во сне. Встала с колен и – о чудо! – легко мне, дивно-хорошо, болезни как ни бывало!.. Домой шла твердым шагом, здоровая.

Через год случилась история с ребенком. Уже два года, как стал он хиреть. К 6 годам весь трясся и на ногах не стоял. Сколько слез я пролила! Сидела я как-то раз у постельки, а он спал. И вдруг – не во сне, а наяву – сподобилась дивного видения: опять подходит ко мне высокая, благообразная жена, и я с восторгом узнаю святую Анну Кашинскую! Падаю к ее ногам... Она говорит: «Вот я пришла опять посетить тебя и вывести тебя из полымя... И вот и крестик твой я ношу на себе» (этот крестик я повесила на ее образ). Когда я подняла голову, святой уже не было... Ребенок, лежавший до тех пор без движения в своей кроватке, слышу, зовет меня... Гляжу, едва верю своим глазам. Мой сынок вскочил и кричит: «Мама, мама! Как мне теперь легко!..» С этой минуты мой сынок ожил и совершенно выздоровел».

2. Чудо над дочерью протоиерея отца Галахова (напечатано в церковной газете «Колокол» 8 июля 1908 года. Автор – ректор Черниговской семинарии протоиерей Иаков Галахов).

«Заболела дочка (четыре с половиной года) в 1903 году – опаснейшая болезнь живота. Семья на даче в 18 верстах от Кашина, в селе Городище, а я, смотритель Новоторжского духовного училища, в Торжке.

Болезнь затянулась. Калязинский доктор посоветовал свезти больную в Кашин. Здесь доктор Твердовский сделал операцию в больнице. Через неделю стало хуже. Твердовский объявил, что нужна вторая операция, но девочке не вынести ее. Оставалось везти дочку в Городище и там похоронить. Я наводил уже справки о гробике. Взяли лошадь, положили на дроги несколько пудов сена и повезли малютку полумертвую... Когда я был в Кашине, то, проходя из больницы мимо собора, я всякий раз призывал помощь Анны. Слышала меня благоверная Анна!.. Привезли малютку в Городище, и на другой день наступило выздоровление. Через три недели я встретил на железнодорожной станции доктора Твердовского, он, узнав о чуде, только руками развел. Теперь Саша уже в Черниговской гимназии».

3. «Я учился в Кашинском духовном училище. Жил 9 лет у чужих людей. Холодно, на душе тоска – горячо молился св. благ. Анне (нас водили в собор), и на душе делалось теплее».

В шести ходатайствах кашинцев за XIX век были указаны 40 чудес. Записи их однообразно-схематичны: имена и фамилии, местожительство, название болезни, краткое упоминание, какая треба у гроба служилась. В трех-четырех прибавлено: «провела всю ночь у гроба», «ночевал у гроба», «сутки молилась у гроба: день и ночь». В 9 случаях из 40 Анна являлась в «тонком сне»; только в одном чуде явление Анны не похоже на другие: она не одна, а с ангелами, два ангела идут перед нею с зажженными свечами, двое сопровождают ее... Святая Анна обращается в больной с повелением помолиться в соборе.

Запись чудес, начатая в 1899 году, дала повод тверскому архиепископу Димитрию (Самбикину) возобновить в 1901 году хлопоты в Синоде о прославлении благоверной Анны. Еще одна попытка – за столетие седьмая!.. Здесь начинается последний период церковного небрежения в отношении благоверной Анны (1901–1909 годы). Те 8 лет, которые своими потрясениями внесли такие изменения в русскую жизнь, что прежде невозможное стало возможным. Кашинская святая вновь оказалась опять связанной с историческими событиями, которые обусловили перемену в ее церковной судьбе.

ВТОРАЯ КАНОНИЗАЦИЯ БЛАГОВЕРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ИНОКИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ

Второе прославление преподобной Анны во многом было обусловлено изданием 17 апреля 1905 года Импеарторского указа «Об укреплении начал веротерпимости», даровавшего старообрядцам вероисповедную свободу и гражданские права. Вся пресса от «Речи» до «Колокола» приветствовала эту реформу.

вновь добиваться прославлении своей святой.

Как часто бывает, большое общее дело начали отдельные люди. Поводом для осуществления всеобщего доброго намерения послужило незначительное событие – письмо кашинского помещика, многолетнего предводителя дворянства В.С. Кисловского к то-

Кашинские купцы и уездное дворянство – депутация к императору Николаю II с прошением об открытии мощей преподобной Анны Кашинской. *Слева направо сидят:* Д.И. Манухин, В.С. Кисловский, протоиерей Аменитский, Штюрмер, Пономарев, Лядов. *Стоят:* Захаров, Носов, Лихачев и Оболенский

Кашинцы поняли, что история перевернула страницу. По своим политическим настроениям «правые», единодушно замкнутые в свои местные интересы, далекие от политических бурь и страстей, сейчас же воспользовались веянием религиозной свободы, чтобы

варищу обер-прокурора Синода А.П. Роговичу. Выписку из этого письма Рогович счел нужным переслать архиепископу Тверскому и Кашинскому Алексию. С этого все и началось.

«...Я в общих чертах, конечно, давно знал историю почитания бла-

говерной княгини Анны, — писал Кисловский, — но, грешный человек, хотя и участвовал в подношениях иконы ее и даже самому мне при отъезде из Кашина после напутственного молебна поднесли икону Благоверной, особого чувства до сих пор, должен сознаться, я никогда не ощущал. Не помню, чтобы я когда-либо служил молебен перед ракою. Совершенно невольно перед отъездом из Ярославля какой-то внутренний голос мне говорил, чтобы я непременно заехал в Кашинский собор — поклониться святым мощам.

Приехал я в Кашин вечером и остался там ночевать. Оставшись в Кашине, мне уже неловко было не заехать к некоторым знакомым.

Часто проезжая мимо собора, я вспоминал первоначальное желание заехать поклониться мощам. Но все время собор был закрыт, и я так и уехал в деревню, не побывав у мощей. В этот раз я даже пропустил одного почтенного старика, местного почетного гражданина, любителя и знатока местной старины, у которого я всегда бывал и любил с ним поговорить... Во время пребывания в деревне я почувствовал какой-то неопределенный, но мучительный укор чего-то недоделанного мною.

Возратился в Кашин вечером, но так, чтобы с ранним поездом уехать в Ярославль. О мощах совсем забыл. Но меня уговорили, и я случайно остался на один день, и так как извозчик уже был подан, чтобы ехать на поезд, то я решил заехать к ранней обедне в собор. Отслушав обедню, я приложился к мощам и, будучи тронут сердечным приветом узнавшего меня священника, решил после обедни к нему заехать. У себя священник завел речь о благоверной княгине Анне Кашинской, говорил о продолжающихся чудесах у раки, которые он записывает, и хотел мне дать издание покойного преосвященного Дмитрия «Тверской Патерик», где, между прочим, он описал житие благоверной княгини. Но книги не нашлось, и мы с ним сговорились, что я заеду еще раз в собор ко всенощной, и он мне даст книгу.

Между тем неспокойное состояние духа у меня, по-видимому, без всякой причины продолжалось. В тот же день я решил навестить и того старика, о котором говорил выше. Он по фамилии Кункин. Это совершенный русский самородок: пропасть читает и интересуется всем. Что касается до мощей, то это у него какая-то давняя idee fixe... Конечно, после первых же слов он заговорил о благоверной княгине и принес старообрядческий журнал «Церковь» от 10 февраля 1908 года и прочел мне статью «На крови мученической, к вопросу о канонизации святых».

Теперь представьте себе картину: в православном храме почивают мощи, когда-то в присутствии царя и патриарха открытые, затем по шатким основаниям закрытые и, несмотря на неоднократные мольбы даже архипастырей, остающиеся без прославления; между тем, богомольцы стекаются, пишутся иконы, служатся молебны; и вдруг, совершенно неожиданно отзовется на это какой-нибудь собор старообрядческих епископов, и в результате даже может возникнуть вопрос о переносе святых мощей, которых господствующая Церковь не хочет признавать, в какую-нибудь старообрядческую церковь... Ведь последствий всего того даже и предвидеть и перечислить нельзя... От одного этого ужаса я сразу почувствовал, как святые мощи и благоверная княгиня должны быть всем дороги. Взял я у Кункина и кое-какие материалы, поехал в собор, застал уже конец всенощной, после которой отслушал молебен; получил обещанный «Патерик», уехал не только успокоенный, но с каким-то необъяснимым радостным чувством. По поводу Собора 1677 года покойный митрополит Филарет между прочим говорил, что слова заключительные: «егда аще впредь чем Бог объявит и утвердит» дают основание, при наличности исцелений и чудес, и без особого Собора вновь прославить благоверную княгиню.

На днях соберусь с силами, разберусь с материалами и напишу в «Русский народ» все существенные подробности, которые не мог изложить в письме».

Получив от Роговича выписку, архиепископ Алексий в мае 1908 го-

да дал распоряжение, чтобы в Кашине был образован комитет, которому надлежит представить все имеющиеся сведения об Анне по местным и печатным источникам.

Город оживился... Кашинцы поняли, что настало время действовать. Спешно избрали комитет и, не ожидая окончания его работы, по почину того же самого почтенного старца И.Я. Кункина, о котором упомянуто в письме, испросили у тверского губернатора разрешение созвать чрезвычайное собрание городской думы. Заседание состоялось 19 июня и вынесло постановление – направить в Петербург депутацию с прошением на высочайшее имя и ходатайствовать перед Государем о восстановлении церковной славы благоверной княгини Анны. К этому постановлению присоединилось и земское собрание.

Осенью того же года депутация кашинских ревнителей памяти благоверной Анны была принята государем в Царском Селе, а на следующий день Синод заслушал доклад архиепископа Алексия, кашинского земства и горожан и вынес определение: почитание благоверной княгини Анны восстановить, как это было до Собора 1677 года, а обер-прокурору предложить испросить согласие на это Государя.

Воскресенский (*на переднем плане*) и Успенский соборы города Кашин

7 ноября Государь определение Синода утвердил. 11 апреля 1909 года Синод опубликовал долгожданное официальное «Послание к чадам Русской Православной Церкви о восстановлении почитания святой благоверной княгини Анны» и назначил днем празднования этого события 12 июня.

13 апреля Определение Синода было в Кашине получено.

Снова хлынул в собор весь Кашин. При трезвоне колоколов всех

церквей, общем ликовании служили благодарственный молебен.

Зимою создался комитет для устроения предстоящего празднества. В Кашине шли приготовления: со всех сторон текли пожертвования, была заказана в Петербурге драгоценная сребропозлащенная рака, изготовлены в женском монастыре новые одежды для мощей, принялись приводить в порядок город, храмы, общественные здания и мостовые, вырабатывали порядок торжества. Всему городу представлялось, что канонизация святой Анны сейчас единственно значительное, достойное всеобщих усилий дело.

Столь необычайное единодушие объяснимо тем, что Кашин был совершенно православный русский город: ни инородцев, ни инославных. Древний торговый город, в бытовых условиях утвержденный, в них почти окаменелый, он хранил полноту старины, как некую святыню. Революционное движение 1905–1906 годов осталось вне его. Дурные вести о восстаниях, о террористических актах, конечно, доходили, их встречали дружным возмущением. Правда, молодежь в подгородних деревнях уже смотрела косо, отзывалась о старине с язвительной усмешкой, но никто на это не обращал внимания. На выборы депутатов от города Твери во все Государственные Думы кашинцы неуклонно посылали людей «своих», «крайне правых» – порукою перед избирателями, что все в политическом и социальном строе будет по-старому.

Патриархальной психологии обывателей соответствовал и стиль самого города.

Маленький красивый город (8000 жителей), раскинувшийся на холмах и земляных валах – остатках древнего кремля. Кашинка, левый приток Волги, быстрая, вертлявая речка, столько круто извивающаяся, что она умудрялась умещать девятиверстное свое течение по городу в трехверстном его пространстве; она омывала Кашин со всех сторон, образуя полуостров – центр города: городская площадь, опоясанная солидными торговыми рядами, здание городской управы и – главное украшение Кашина – два собора: Успенский и Воскресенский, один подле другого; невдалеке от соборов тенистый городской сад с крутым валом в глубине его, в старину – насыпь со сторожевыми башнями, а теперь терраса с беседками, откуда от края и до края был виден Кашин.

Главная улица города – Московская, мощеная огромными круглыми булыжниками, без магазинов, без благоустроенных тротуаров, в темноту едва освещенная редкими керосиновыми фонарями, – тянулась от площади в гору мимо мещанских деревянных домиков и солидных купеческих особняков до самой окраины, до белых стен древнего Сретенского женского монастыря. Другая мощеная улица Петербургская бежала в сторону, к вокзалу. Еще было в Кашине 5–6 таких улиц, остальные пути сообщения были дороги и дорожки, улочки и переулки, то непроходимо сугробные, то невылазно грязные, то пыльносорные или заросшие подорожником, в зависимости от местоположения и времен года.

И все-таки своеобразной красотой Кашина была не одна змеевидная Кашинка с крутыми берегами и откосами, не только белоснежные соборы и городской сад, а сочетание их с великим множеством церквей: 25 церквей, 2 собора и 3 монастыря. В прошлом храмов было еще больше. Историки города полагали, что их было в XV–XVI веках не менее 30, а монастырей не менее 13. С течением времени монастыри упразднились, деревянные церкви развалились, их заменили каменными, приходы сливались, оставляя память о церкви в приделах нового храма и передавая ему свои святыни – прекрасные древние иконы.

Некоторые храмы были богаты, но все приходские церкви были благолепны: кашинцы свои церкви любили. Быть может, церкви – единственное до революции, что всем было по-настоящему дорого и всех интересовало.

Особенно привлекателен был Кашин летом. Весь город утопал в зелени, а над садами, огородами и крышами домов виднелись синие купола, стройные белые колокольни и золоченые кресты – взгляд встречал их всюду. Чудом уцелевшая от татар, литовцев и французов древнерусская красота...

Некоторое оживление в летний сезон вносили приезжавшие на лечение местными минеральными водами. Незадолго до 1909 года на окраине города, на берегу речки Маслятки, впадающей в Кашинку, выстроили над источниками три скромных павильона и разбили сад.

Однако превратиться в значительный курорт Кашину не удалось: приезжих было мало, им приходилось ютиться у обывателей, в городе не существовало ни гостиниц, ни ресторанов, вообще ничего, что необходимо для курортной жизни.

Многое в Кашине было овеяно стариною, преданиями, уходило корнями вглубь писаной и неписаной истории.

Кашинский Николаевский Клобуков монастырь хранил как святыню низкую, тесную деревянную келью преподобного Макария Калязинского, которую он своими руками построил. В миру боярин Матвей Кожин, он по смерти жены пришел в Кашин около 1420 года и принял постриг в Клобукове, а впоследствии основал Калязинский Троицкий монастырь в 18 верстах от Кашина.

Крестные хода из кашинских церквей, направляющиеся к Воскресенскому собору, в день повторного прославления преподобной Анны

Тихую провинциальную жизнь Кашина в конце апреля 1909 года взволновали приготовления к торжествам канонизации. К июню го-

род стал неузнаваем, так на улицах стало чисто, многолюдно и оживленно. Начали прибывать богомольцы поездами и по дорогам. Из Ярославля прислали два полка, они раскинули палатки на лугу возле Сретенского монастыря. Приехала полиция, появились казаки. Дома разукрасили флагами и гирляндами. У вокзала воздвигли арки с гостеприимным приветствием «добро пожаловать». На площади сколачивали лавки и ларьки для продажи образков и крестиков, леденцов и кваса. Почетным богомольцам, духовенству и хоругвеносцам отвели бесплатные помещения. Для народа настроили бараки и навесы, запасли хлеба и кипятильников. Не забыли врачебную «скорую помощь»... Словом, Кашин приготовился принять до ста тысяч богомольцев.

С особым нетерпением ожидали приезда единоверцев и любопытствовали: приедут или не приедут старообрядцы?

Единоверцы приехали петербургские и московские, со своими священниками, хорами, канонархами и чтецами. Москвичи-единоверцы принесли в дар благоверной драгоценную лампаду и 1000 рублей на вечное масло, а петербургские единоверцы от имени своего братства представили 12-го июня думе города Кашина следующий адрес:

«Г. І. Х. С. Б. п. н. а. (Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй нас, аминь. — *Прим. ред.*)».

Единоверцы города Санкт-Петербурга приветствуют город Кашин и радуются его радостью. В ознаменование дивного и великого в смысле единения события в жизни Русской Церкви – восстановления древнего почитания преподобной Анны Кашинской, братство единоверцев постановило учредить при братском единоверческом реальном училище две бесплатные стипендии для беднейших учеников, освятив их именем святой благоверной великой княгини Анны Кашинской. Единоверцы молят благоверную княгиню, да утвердит учащееся их поколение, да соберет всех, призывающих ее честное и многострадальное имя, в Дом Отчий».

Прибыла в Кашин группа старообрядцев Белокриницкой иерархии и беспоповцы.

В первых числах июня стали съезжаться архимандриты и игумены Тверской епархии, духовенство тверских уездов и других губерний, появились паломники издалека: Сибири, Кавказа, Архангельска... Прибыл архиепископ Тверской Алексий.

Еще весною после торжественной литургии перенесли раку благоверной Анны из холодной половины Воскресенского собора в теплую. 230 лет стояла она неприкосновенной! Там мощи были переложены в новую кипарисовую гробницу и облечены в новые одежды. Гроб поместили во временную раку и накрыли большой иконою Анны. В холодной половине начались приготовления: построили каменный помост и воздвигли сень на золоченых столбах с короною и убрали сень малиновым бархатом.

Вслед за архиепископом Тверским прибыли другие архиереи (всего 13), тверской губернатор, разные административные лица и военное начальство. 10-го приехала великая княгиня Елизавета Феодоровна, неизменная паломница на все выдающиеся церковные торжества. Молитвенная, иноческого облика, она напоминала древнерусскую благоверную княгиню.

11-го июня прибыл митрополит Московский Владимир, обер-прокурор Лукьянов и много высокопоставленных лиц из Петербурга и Москвы.

Первый крестный ход прибыл в Кашин 10 июня к вечеру из Красного Холма. За ним — Бежецкий, шли в очень тяжелых условиях, в дождь, по лужам и грязи, по неровным размытым дорогам. После них поездом прибыли депутации из Ярославля и Костромы.

Наконец, 12 июня к полудню пришел грандиозный тверской крестный ход. К тверитянам присоединились Корчева, Кимры, Осташков, Клин, Арзамас и несколько поволжских сел. От Твери до Калязина плыли на пароходе, от Калязина до Кашина 18 верст шли в сильную жару, по пыли. Хоругвей, крестов, икон – без счету, и богомольцев — несмет-

ная толпа. Кимры несли в дар шитый золотом бархатный покров с изображением святой Анны во весь рост. Тверитяне — икону благоверного князя Михаила и благоверной Анны в вызолоченных ризах. Приношением Корчевы была большая картина-икона «Прощание княгини Анны и князя Михаила перед отъездом в Орду»: на торжестве она будет так восхищать и умилять богомольцев, что они начнут обрывать ниточки «на память» и принудят унести и спрятать ее в соборном алтаре.

Встречать крестный ход вышли два архиерея и 20 священников. Гостей провели в собор на торжественную панихиду — последнюю из бесчисленных панихид, которые в последние дни служили у раки непрерывно.

После полудня стали пускать народ в собор, это были часы, отведенные для жаждущих исцеления. Повели и понесли больных, слепых, калек, расслабленных, кликуш... Очевидцы свидетельствовали впоследствии (с указанием своих фамилий и имен) в «Тверских ведомостях» о случаях проявления «веры, которая горами двигает» — о совершившихся чудесах. Весть о каждом чуде мгновенно облетала город.

Открытие мощей преподобной Анны 12/25 июня 1909 года

Главная торжественная служба была 12 июня вечером. Совершалось всенощное бдение одновременно в Воскресенском и Успенском соборах и на площади, на помосте перед картиною «Прощание святой Анны с великим князем Михаилом». На литию из обоих со-

боров вышли две огромные процессии духовенства. Одна обогнула Воскресенский собор с южной стороны, другая — из уважения к единоверцам — с северной стороны («посолонь»). На помост вошли 12 архиереев и два протодиакона, остальное духовенство (30 архимандритов и около 100 священников) разместилось у его подножия, и началось соборное торжество...

Вся площадь была заполнена до тесноты: на валу за соборами, на крышах, на деревьях, на фонарях, на каждой пяди земли были люди... В лучах заходящего солнца сияли золотые и серебряные облачения, усыпанные драгоценными камнями митры; сверкая бронзовыми подвесками, колыхались хоругви.

На паперть Воскресенского собора вышел протодиакон московского Успенского собора Розов и прочел внятно на всю площадь «Послание Святейшего Синода к чадам Русской Православной Церкви о восстановлении почитания святой благоверной Анны». Хоры грянули тропарь «Днесь восхваляем тя, преподобная мати, великая княгине Анно...». Залились трезвоном колокола, загудел раскатами 600-пудовый соборный колокол, возвещая о восстановлении церковной славы благоверной княгини Анны.

После благословения хлебов процессии вернулись в соборы.

На утрени перед «Хвалите» из алтаря вышли митр. Владимир с духовенством, окадив гроб, коленопреклоненно прочитал молитву святой Анне, несколько священников подняли гроб на плечи и при пении «Преподобная мати Анно, моли Бога о нас» и понесли его на катафалк посреди собора.

После «Хвалите», величания (последнее величание пели единоверцы знаменным роспевом) и Евангелия о мудрых девах началось народное поклонение святыне.

В соборе присутствовало до 5000 человек, на площади и прилежащих улицах — несколько десятков тысяч. Всем хотелось в эту ночь попасть в собор, солдатам и полиции стоило не мало труда не допускать давки и устанавливать людей в очередь. У святых мощей горело свечей без числа и до утра служили молебны.

Была тихая теплая ночь. Народ не расходился: одни близ собора спали, другие, собравшись кучками, пели молитвы. Впоследствии узналось, что великая княгиня Елизавета Феодоровна среди ночи пришла в собор из Сретенского монастыря и долго пребывала у гробницы, а потом беседовала с богомольцами.

Наутро перед литургией крестные ходы кашинских церквей соединились с пришедшими издалека. Образовалось как бы громадное ополчение с иконами, крестами и хоругвями. Священники повели его в собор, кропя путь и народ святой водою.

Пришедших встретили на паперти митр. Владимир с архиереями, архимандритами и прочим духовенством. Хоругвеносцы остались на площади, их расставили полукругом, а духовенство проследовало в собор.

В это утро в Воскресенском соборе присутствовали только «избранные»: высшие гражданские и военные чины, обер-прокурор, «высокопоставленные богомольцы», представители дворянства и именитого купечества. Одновременно служили литургию и в Успенском соборе. Архиерейская кафедра стояла на площади, народный хор пел тоже снаружи, архиепископ со священнослужителями на малом и великом входах появлялись на паперти. Создавалось впечатление, что Успенский собор — алтарь, а площадь — наполненный людьми храм Божий, без стен, окон и дверей, накрытый куполом голубого неба...

По окончании литургии был молебен, и наступили заключительные минуты, венец всех торжеств — обнесение мощей вокруг соборов.

Накануне земная Церковь оповещала о канонизации Анны, воспевала-восхваляла ее всю ночь; теперь благоверная Анна являлась народу, выходила из собора ему навстречу. Это символическое значение мог иметь обряд обнесения святых мощей, этим объясним духовный порыв, охвативший богомольцев, когда в пролете соборных дверей показалась гробница... Ее поставили на носилки, накрыли расшитым золотыми узорами малино-

вым бархатным покровом и понесли в осенении рипид, при бое колоколов, пении тропаря... Народ устремился гробу навстречу, людям хотелось прикоснуться к нему, пасть ниц на его пути. В воздухе только замелькали платки, куски холста и полотенца, которыми по древнему обычаю женщины одаривали в такие праздники любимых святых.

Шествие вернулось в собор. Здесь гробницу опустили в золоченую раку в приделе Всех Святых, где спокон веку она и стояла. Митрополит Владимир прочитал коленопреклоненно молитву благоверной Анне. Возгласили многолетие — и последование церковного торжества было окончено.

Затем хозяин торжества, Тверской архиепископ Алексий, принимал депутации в зале женской гимназии. Читались приветствия, адреса, телеграмы. Потом в городской думе был банкет. Была здравица за государя с возглашением многолетия. Оркестр играл «Боже, царя храни». Читались тексты телеграмм государю от Кашина, собора иерархов и духовенства, тверского губернатора. Эти телеграммы губернатор прочитал с балкона народу, стоявшему под окнами думы. Толпа кричала «Ура! Ура! Ура!..» и пела «Боже, царя храни».

К вечеру начался разъезд.

Однако моление у раки святой Анны для единоверцев только на-

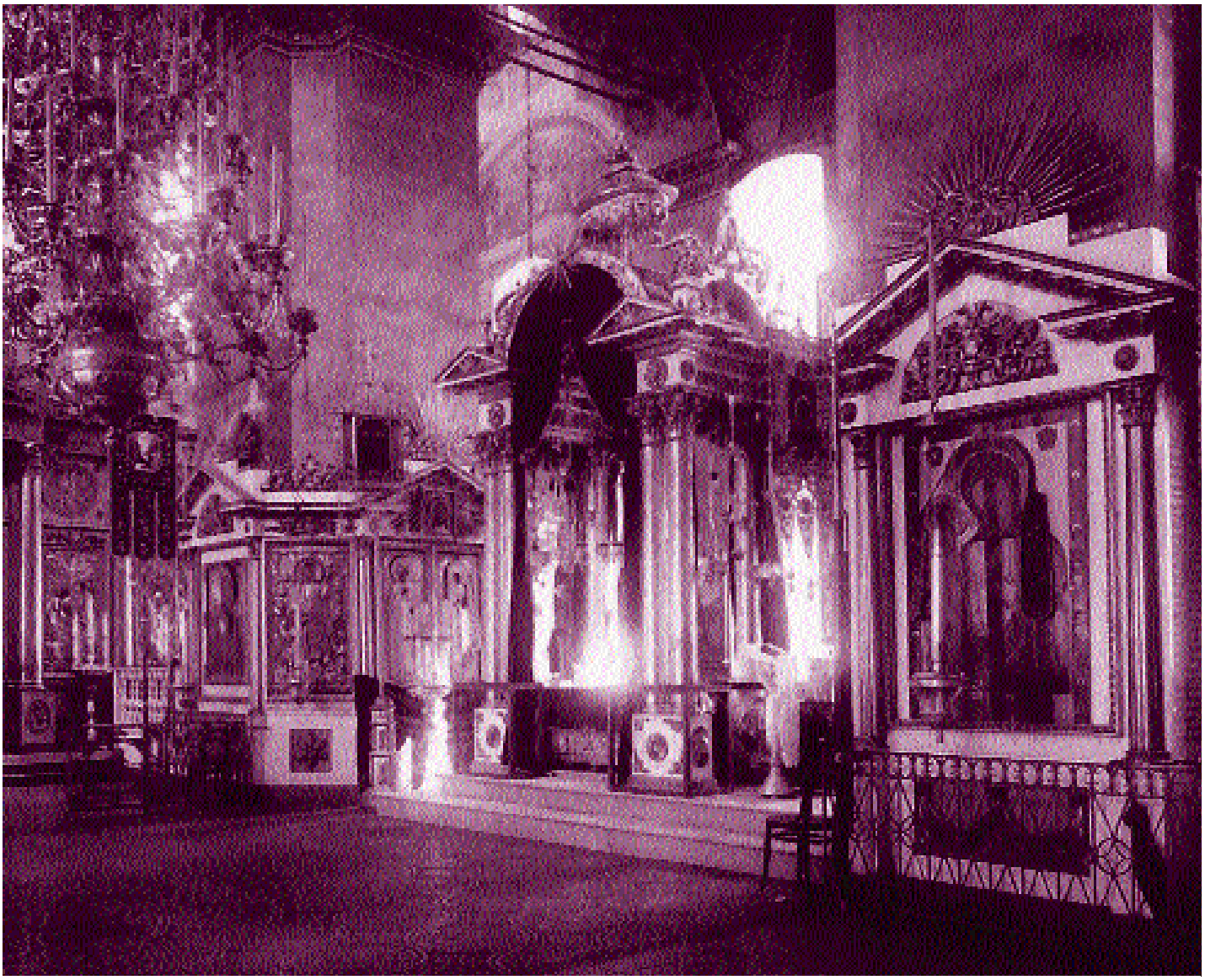
Желающие поклониться святым мощам преподобной Анны у входа в Воскресенский собор

чалось. Вот как повествует об этом священномученик Симон Шлеев на страницах своей книги «Единоверие в своем внутреннем развитии»:

«Благодаря любезному приглашению Тверского архиепископа Алексия, петербургские и московские единоверцы приняли участие в самих Кашинских торжествах. Накануне 12-го июня, с благословения местного владыки, они совершили всенощное бдение в Успенском соборе, возглавляемые Владимирским архиепископом Николаем и двумя викарными епископами. После литии, отслуженной совместно с православными на соборной площади, единоверцы перешли в Воскресенский собор, где, по благословению митрополита Владимира, пропели одно из величаний преподобной. В самый день восстановления почитания благоверной единоверческие священники участвовали в обнесении мощей преподобной кругом соборов.

Для выражения любви к благоверной и братского единения с православною Церковью единоверцы, с благословения местного владыки, совершили затем под 13-е и 13-го июня у раки святой Анны нарочитое «единоверческое» служение, к коему пригласили и православное духовенство. Службы отправляли: преосвященнейший Гермоген, епископ Саратовский, наблюдатель миссионерских курсов в Казани архимандрит Варсонофий, настоятель Никольской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга священник Симеон Шлеев, благочинный единоверческих церквей Московской епархии священник Григорий Шлеев (единоверец), протоиерей города Торжка Иоанн Страхов (единоверец), Московский епархиальный миссионер отец Иоанн Полянский (православный), Курский епархиальный миссионер отец Иоанн Рябухин (священник православной церкви), священник Всехсвятского женского монастыря города Москвы отец Василий (единоверец), священник единоверческой церкви на Рогожском кладбище города Москвы отец Иаков Силин, священник Большеохтенской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга Сергий Верховский; на всенощном бдении под 13-е июня сослужил еще и настоятель православного Омского кафедрального собора протоиерей А. Голосов. Собор, полный паломниками со всей матушки России, еще более наполнился, когда стало известно про единоверческую службу. Тысячи свеч горели у раки преподобной и у икон древней иконописи, коими украшен храм... Мощное раздалось по собору древнее пение предначинательного псалма. С клиросов попеременно неслись чудные звуки, то замирая где-то далеко-далеко, то возвышаясь с необычайною силою, проникали в религиозно-настроенные сердца богомольцев. Народ, видимо, был доволен церковным исполнением, продолжительною, уставною службою. Он с глубоким вниманием прислушивался в продолжение первого получаса к пению 103-го псалма. А когда пели первый антифон 1-й кафизмы «Блажен муж», потом «Возвахи», а затем дивные стихиры преподобной с канонархом, то у многих заблестели слезы умиления. Православный народ понял чувства своих братьев-единоверцев. Вековое разномыслие куда-то отлетело прочь... На литии владыка Гермоген отлично выполнил древний чин Богослужения. Его проникновенный голос, чудное чтение молитв, благоговейное осенение крестным знамением, смиренные, глубокие поклоны вызывали молитвенные вздохи как единоверцев, так и православных. Тем и другим как-то не верилось, что живут в полном сомнений XX веке. Какое-то таинственное облако XIII века – времени, когда жила святая Анна, спустилось на присутствующих. Чудные мгновения! После благословения хлебов следовало чтение отцом Симеоном Шлеевым на особый мотив эксапсалмов. Незабвенны те минуты, когда вся церковь осветилась морем свеч (во время Многомилостивого, согласно уставу, все были со свечами). С клиросов, при каждении владыки, полной волной неслись величественные звуки 134-го и 155-го псалмов: «Хвалите имя Господне...» Не успел еще замолкнуть последний аккорд дивного пения, как у раки благоверной освященный собор воспел в честь святой Анны величание! Все как один разом припали к раке святой

жены, прося ее заступничества... Вот раздался могучий перезвон к Евангелию. Было уже 10 часов вечера. Чтение канонов длилось около двух часов. Хорошее, отчетливое чтение отца Иакова Силина и псаломщика Иоанна Шлеева доставляло глубокое духовное наслаждение. Всенощная кончилась в час ночи.



Интерьер Воскресенского собора. Справа под сенью рака с мощами преподобной Анны Кашинской. 1909 год

Восхищенные истовым служением своих братьев-единоверцев, богомольцы на другой день (13-го июня) задолго до начала литургии заполнили соборный храм. Литургия служилась по архиерейскому Чиновнику XV–XVI веков с выполнением всех особенностей. Владыку, прибывшего в храм, встретили в притворе со следующим чином. Старший отец диакон возгласил: «Премудрость. Благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима во вся дни живота твоего всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь». Певчие на это пропели: «Преосвященнейшему Гермогену, епископу Саратовскому, исполла эти, деспота». Взойдя на диаконский амвон, архиерей клал «седмипоклонный начал» и совершил «входную», окончившуюся отверзением Царских врат и вступлением преосвященного в святой алтарь, – чтением там трех молитв и вторичным благословением священнослужителей... «Облачение» состоялось при пении догматика 4 гласа, где говорится о символизируемой архиерейским омофором заблудшей ов-

це (человечество), возложенной Христом на рамена. Литургия началась молитвенным крестообразным сложением обеих рук совершителей таинств и до «Трисвятого» прошла по обычаю. «Трисвятое» пели на клиросе, потом по-гречески пятикратно возглашали в алтаре. Во время первого возглашения святитель крестообразно знаменовал рукою поднятое над престолом святое Евангелие. При втором возглашении он знаменовал то же святое Евангелие дикирием с произнесением слов: «Господи, Господи, призри с небеси, и виждь, и посети виноград Свой, и соверши и, его же насади десница Твоя. Буди на мужа рука Твоя, десница на сына человеча, его же укрепил Себе». Во время третьего возглашения архиерей совершал то же действие с чтением молитвы: «Господи Боже сил, обрати ны, просвети лице Твое: и спасени будем». При повторении «Трисвятого» в четвертый раз епископ знаменовал Евангелие трикирием со словами: «Троице Трисвятая, Отче и Сыне и Святый Душе, призри с небеси от святаго Своего и благослови всех нас». Пятый раз «Святый Боже...» пелось при восхождении архиерея на горнее седалище – в ответ на его оттуда осенение. Во время чтения Апостола правая сторона сидящих пресвитеров по целовании у святителя ветхозаветной на нем одежды – палицы, перешла на левую сторону. Левая же сторона встала на правую руку. На сугубой ектении были такие особенности. За прошением о Государе, перед ответным на него 12-кратным «Господи, помилуй» святитель с дикирием в левой руке и с двуперстным сложением правой возглашал Господу Богу: «Господи, спаси Царя и услыши ны, вонь же день аще призовем Тя». После ответного на это «Господи, помилуй» архиерей выходил на амвон и на три стороны делал осенение со словами: «Господи, Господи, призри с небеси» и прочими. Во время «Херувимской» омовение рук совершали все священнодействующие лица. При переносе Святых Даров возглашались попеременно два стиха: «Всех вас да помянет Господь...» и «Да помянет Господь Бог всех вас...» По Великом выходе святитель вторично – во время литургии – выходил и трекратно осенял народ со словами: «Господи, Господи...» На этот раз певчие пели: «Исполла эти, деспота». Царские двери оставались открытыми, но зато была спущена завеса. Следующей особенностью, заметной для молящихся, была «выкличка». Диакон возглашал ее так: «Преосвященнейшему Гермогену, епископу Саратовскому, приносящему честные Дары Господеви Богу нашему о честнем пресвитерстве и еже о Христе диаконстве, и о всем священническом и иноческом чине; о державе и о победе, и о пребывании мира, здравии и спасении Благоверному и Богом хранимому Государю Царю нашему Николаю Александровичу, о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей, и о избавлении братии нашей, иже в темницах сущих, о поспешении и укреплении христолюбиваго воинства, и о спасении людей – предстоящих и помышляющих кийждо о своих согрешениих, и о всех и за вся». Литургия закончилась молебном у раки преподобной.

Незаурядность Богослужению сообщали не одни только указанные особенности древнего архиерейского чина. Необычность Богослужения достигалась и тем братским общением, какое переживали православные и единоверцы».

Вернемся на день назад. 12 июня в 3 часа дня в зале городской думы состоялось открытие «Братства святой благоверной Анны Кашинской» под председательством архиепископа Алексия. В зале присутствовали: архиереи, местное и приезжее духовенство, представители губернской администрации и общественности, много кашинских граждан, несколько единоверцев и группа старообрядцев белокриницкой иерархии.

Этим собранием заключилась «мирская» программа торжеств. 13 и 14 июня покинули Кашин крестные ходы. Разъехались и все почетные гости.

Однако паломничество ко гробу не прекращалось: одни богомольцы сменяли других в течение всего лета. Особенно было многолюдно 21 июля, в день празднования первого обретения мощей святой Анны. Даты 2 октября (кончина благ. Анны) и 17 ноября (перене-

сение мощей из Успенского собора в Воскресенский в 1817 года) тоже стали отмечаться более торжественно.

Летом 1909 года отметила память благ. Анны Сибирь. В Иркутске 11 и 12 июня во всех церквах служили торжественные всенощные и литургии с молебном перед иконою святой Анны. В те дни вокруг Иркутска горели леса, стояла 40-градусная жара, люди задыхались от дыма и пыли. Началось бедствие — падеж скота. 13 июня погода изменилась, полили дожди. Верующие люди видели в этом проявление заступничества благоверной Анны.

Продолжалось в течение 1909 года чествование преподобной Анны единоверцами. Нам известно, что были написаны три иконы святой (может их было и больше) с частицами ее мощей и дарованы единоверческим храмам Никольскому в Санкт-Петербурге и Никольскому в Москве, а также Михаило-Архангельскому в Михайловской Слободе.

О встрече иконы в Северной столице повествует священномученик Симон:

«...Одушевленное одним чувством множество верующих и молящихся представляло собою дивное зрелище, которое, благодарение Богу, повторилось и в городе Санкт-Петербурге, при встрече иконы святой Анны с частью мощей ее 5 сентября прошлого года.

Кашинский Вознесенский кафедральный собор, в котором ныне пребывают мощи преподобной Анны. 2006 год

Согласно 5 пункту правил Единоверия, православные старообрядцы не участвуют за общими в царские дни молениями в соборах. Но для восстановления памяти святой Анны Кашинской они поступились этим своим правом, проявили свое братское единение, приняли участие в православном Богослужении, заходили со своими святынями в Знаменскую церковь в городе Санкт-Петербурге. И это сделали петербургские единоверцы, те еди-

новерцы, которые больше всего отстаивали раньше права своей церковной обособленности. Любовь вызвала ответную любовь. Определение Святейшего Синода о почитании преподобной Анны всколыхнуло сердца единоверцев. Ревность последних заразила и православных. Получилось 5–6 сентября в городе Санкт-Петербурге такое торжество, какого Петербург давно не переживал: по-братски в нем участвовали и православные, и единоверцы. «Возможно ли передать то великое событие, – писал нам один прихожанин, – какое совершилось в наши дни неверия? Воистину дивен Бог во святых Своих! Когда стало известным, что великая святыня, по воле Всемогущего Бога, дарована и нам, единоверцам, и что 5 сентября прибудет в город Санкт-Петербург, забились наши сердца. Возревновали и мы, недостойные. Люди смотрели как будто роднее. Подходя к Никольскому храму, что на Николаевской улице, мы видели, как со всех сторон собирались православные русские люди. Едва прошли в храм. Около правого клироса главного придела блестела новая киоть с балдахином – место для иконы и мощей преподобной. Крестные ходы один за другим уже подходили. Прибыл преосвященный Кирилл, заведующий единоверческими церквами Санкт-Петербургской епархии. Вот отворились Царские двери, и владыка с двумя православными архимандритами и единоверческим духовенством вышел на средину храма. Не поддается описанию та картина, какая открылась взору при выходе соединенного крестного хода из храма. Громадная площадь и все смежные с ней улицы до тесноты были запружены народной волной. Движение экипажей и трамваев прекратилось. Могучий унисонный напев далеко разносился в тихом вечере. Невский проспект и Знаменская площадь представляли одно сплошное море голов. Около церкви Знамения Божией Матери Крестный ход принял в свои недра местные святыни. Около половины шестого вечера Крестный ход подошел к Николаевскому вокзалу, куда через несколько минут прибыл поезд с драгоценною святынею. Что дальше случилось, – затрудняюсь писать. Всё и все смешались в молитвенном порыве. Слезы радости у одних, молитвенные рыдания у других показались и огласили воздух. Жутко и сладостно...

На обратном пути Крестный ход останавливался у церкви Знамения Пресвятой Богородицы. Святая икона и мощи преподобной в преднесении крестов и икон единоверческих церквей и в сопровождении епископа Кирилла и единоверческого духовенства были внесены в храм. Местное духовенство отправило пред образом святой Анны молебствие с пением всех песней канона. По выходе Крестного хода из Знаменской церкви подъем религиозного духа у народа достиг высшей точки. Крик, плач заполнили огромную Знаменскую площадь. Крестный ход едва мог повернуть на Невский проспект к Николаевской улице. Шествие постоянно останавливалось. С большим трудом, после остановки у “Троицы” на Стремянной, Крестный ход подошел к Никольской церкви. Было уже 7 часов вечера. Богомольцы окружили храм, наполнили все три его этажа. Слышалось пение православных народных хоров: “Спаси, Господи” и множество других. Между тем в главном храме шла торжественная архиерейская всенощная. Три раза читали житие преподобной. Служба кончилась в час ночи. Долго прикладывались к мощам православные люди. Непрерывно служились молебны. В 6 часов утра 6 сентября народ уже прикладывался к мощам благоверной. В 8 часов прибыл владыка Кирилл и при участии православного и единоверческого духовенства совершил Божественную литургию. Песнопения исполняли братский смешанный хор и соединенный хор наемных певчих от всех четырех единоверческих церквей города Санкт-Петербурга.

Так прозвучал отзвук кашинских торжеств: святая Анна соединила дотоле не всегда объединявшиеся в общей молитве общины верующих!

Ценя свои обычаи, дорожа своими преданиями, освежив их памятью святой Анны Кашинской, единоверцы особенно подчеркнули свое единение с православною Церковью. Такое свое настроение обнаружили они как в самом

г. Кашине, так и в города Санкт-Петербурге 5–6 сентября при встрече иконы преподобной с частью святых мощей ее. В пору возбуждения единоверцами ходатайства о даровании им единомысленных и в обряде епископов по адресу православных старообрядцев немало слышалось укоров, порицаний. Большинство православных увидело в этом стремлении единоверцев недоброе. Припоминались факты. Делались заключения о церковной неблагонадежности некоторых. Православные старообрядцы искали случая заявить о своих истинных чувствах. И вот, явилось в жизни Русской Церкви событие, далеко-далеко отодвинувшее взаимное непонимание и обоюдное огорчение.

Побольше бы этих событий любви – тогда, с Божьей помощью, совсем уничтожились бы взаимные недоразумение и недоверие. Единоверие широкой волной распространилось бы по Русской земле».

О встрече иконы преподобной Анны Кашинской с частицей ее мощей в Михайловской Слободе сообщает на страницах своего дневника настоятель Михаило-Архангельского единоверческого храма протоиерей Стефан Смирнов:

Мощи преподобной Анны Кашинской в Вознесенском соборе. 2006 год

«15 ноября 1909 года. Торжественная встреча святой иконы у Заозерья.

Народу очень много. Я шел почти всю дорогу из Москвы пешком и не чувствовал усталости. Погода совершенно зимняя.

16 ноября 1909 года. Торжественная служба преподобной в холодном храме, народу — полный храм и не столько своих прихожан, сколько чужих. После обедни были у Стефана Жагина, а вечером у старосты

Субботина, был и тятя с дядей».

В годину гонений на веру христианскую нелегкие испытания выпали на долю святынь, связанных с именем преподобной Анны. В январе 1930 года мощи Благоверной стали объектом атеистической пропаганды. В Кашин приехала комиссия, в присутствии которой произошло их вскрытие. Происходившее снимали кинооператоры. Вскоре в газете «Правда» появилась статья, автор которой с яростью воинствующего безбожника пытался убедить читателей, что преклонение перед представляющими собой обыкновенные кости мощами преподобной Анны – это «поповский обман» для одурачивания невежественных людей.

После закрытия Воскресенского собора мощи преподобной Анны какое-то время были своеобразным «экспонатом» в краеведческом музее. Потом их перенесли в храм Вознесения Господня, который при Хрущеве тоже закрыли. После этого мощи побывали еще в двух городских храмах. И лишь 25 июня 1993 года мощи святой благоверной княгини инокини Анны Кашинской были перенесены во вновь открывшийся кафедральный собор Вознесения, где находятся и по сей день, как и в древние времена даруя множественные исцеления душевных и телесных недугов, всем притекающим к ним с верою.

Из трех икон с частицами мощей преподобной Анны, дарованных единоверческим церквам, только икона в Никольской единоверческой церкви при Рогожском кладбище в Москве не была потревожена в лихолетье. Санкт-Петербургский Никольский единоверческий храм был закрыт и судьба иконы остается неизвестной.

Михайлослободскую икону преподобной Анны Кашинской высоко почитали в храме Архангела Михаила. После его закрытия вместе с немногими другими иконами верующим удалось ее спасти. Она находилась в доме одной из прихожанок в деревне Кулаково, где собирались верующие для совершения богослужений по остававшимся у них древним книгам. Затем, когда хранить образ в доме стало небезопасно из-за участившихся случаев краж икон, ее увезли в Москву, откуда она лишь в 1990-м году была возвращена в храм Архангела Михаила и в настоящее время является одной из самых почитаемых святынь нашего храма.

В прошлом году в канун столетнего юбилея повторного прославления преподобной Анны Церкви был возвращен Воскресенский собор в Кашине. Остается надеяться, что после его восстановления мощи святой обретут в нем свое прежнее пристанище.

При подготовке публикации использованы следующие источники:

«Святая благоверная великая княгиня инокиня Анна Кашинская». М.: Лодья, 2004; «Кашин. Православный русский город». СПб, 1998; священномученик Симон (Шлеев), епископ Охтенский «Единоверие в своем внутреннем развитии». М.: Линия График, 2004; протоиерей Стефан Смирнов «Записки сельского священника». М.: Линия График, 2008.

Редакция благодарит прихожан Михаило-Архангельской единоверческой церкви А. Роженкова за подготовку текста и А. Смирнова за предоставление фотоматериалов к данной публикации.

Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: св. игумен Иринарх
Ответственный за выпуск: иерей Е. Саранча
Заведующий производством: диакон И. Краев
Корректоры: В. Суворова, А. Шнеппс-Шнеппе
Фото: диакон И. Краев, М. Верялин, В. Демин, А. Краева, А. Шнеппс-Шнеппе

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, нижайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Исуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.